

18+

Сергей Бушов

ЯМА

ГРУСТНЫЕ ИСТОРИИ

Сергей Бушов

Яма. Грустные истории

«Издательские решения»

Бушов С.

Яма. Грустные истории / С. Бушов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514978-7

Герои рассказов и повестей этого сборника борются с обстоятельствами, с обществом, сами с собой. И часто терпят поражение. Почему? Глядя на них со стороны, это проще понять, чем переживая такие же проблемы в собственной жизни.

ISBN 978-5-00-514978-7

© Бушов С.
© Издательские решения

Содержание

Яма	6
Предисловие	6
Петушок	7
Сантехник	11
На дачу	14
Уши в сухарях	18
1	18
2	27
3	32
4	38
5	43
Полёт фантазии	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Яма Грустные истории

Сергей Бушов

© Сергей Бушов, 2020

ISBN 978-5-0051-4978-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Яма

Грустные истории

Предисловие

Перед вами сборник рассказов и повестей. В каждой из этих историй присутствует в разной степени грусть. Где-то совсем мало, а где-то так много, что даже слегка чересчур. Кажется бы, зачем грустные вещи писать, а тем более издавать? Я уверен, что это нужно. Именно через грусть человек может очистить душу, пережить заранее то, что он, возможно, встретит в жизни. И – кто знает? – может быть, опыт, полученный таким виртуальным способом, поможет ему сделать выводы и пойти другим путём?

Петушок

Пётр вздохнул, закрыл книгу и сунул её в пакет с изображением Деда Мороза, который катил на своих причудливых сказочных санях по зимнему лесу. Картинка несколько не соответствовала теперешней погоде. Стоял июль, поэтому солнце висело на небе ещё высоко, а небо ослепляло синевой. Ветерок перебирал невидимыми пальцами густую некошеную траву, над которой носились толпы бестолковых мошек.

Пётр тяжело поднялся со скамейки и не спеша, вразвалочку побрёл по тропинке в сторону дома. Он любил эту дорогу с работы, хотя она и была чуть длиннее. Она пролегла по улочкам старой части города, которая, по сути, всё ещё оставалась деревней, и там можно было легко встретить домашнюю птицу и коз. Затем дорога превращалась в тропинку, вилась между двумя холмиками, усыпанными где мать-и-мачехой, где одуванчиками, и выводила на пустырь, за которым виднелась группка пятиэтажек. В одной из них Пётр и жил.

Несмотря на неторопливый шаг, скоро Пётр почувствовал одышку. Идти было трудно. Ляжки ног тёрлись друг о друга, и это причиняло неудобство, поскольку кожа в паху сопрела от пота. Впрочем, оставалось недалеко.

Пётр вошёл в подъезд, из которого дохнуло приятной влажной прохладой, поднялся на один пролёт, достал из кармана ключ и, вставив в замок, провернул. Замок громко лязгнул, дверь открылась.

Пётр ещё не успел скинуть с ног свои растоптанные ботинки и сменить их на тапочки, как мама появилась в коридоре и направилась к нему, на ходу надевая очки. Её тяжёлая палка грохала по полу, приближаясь, и у Петра пересохло в горле. Он сразу почувствовал, что мама не в духе.

Она подошла почти вплотную, подняла на него взгляд, придерживая очки рукой, пошевелила мясистым морщинистым носом и спросила низким, слегка сирым голосом:

– Ты что так долго? Обычно полшестого приходишь. А сейчас почти шесть.

– Я, мама... Добрый вечер, – оторопело залепетал Пётр. – Я на скамейке посидел немножко. Погода хорошая. Книжку вот почитал...

– Что за книжка? – стёкла очков увеличивали мамины глаза, и потому те казались выпученными.

Пётр сунул руку в пакет, чтобы нашарить книжку, но мама рывком отняла у него пакет и достала сама.

– Александр... Грин, – прочитала она, напрягая глаза. – «Алые паруса». Это ничего... Это одобренная... Мог бы и дома читать, нечего шляться не пойми где.

Она отдала пакет, развернулась и заковыляла на кухню, бросив на ходу:

– Иди, переодевайся пока. Ужин разогрею, а то остыло.

– Я это, мама... – заговорил Пётр. – Я зарплату принёс. Вот.

Он извлёк из внутреннего кармана бумажный свёрток, приблизился, протянул. Мама отставила палку в сторону, развернула бумагу и принялась молча считать купюры, иногда слюнявая пальцы языком.

– Надавали мелкими опять, – буркнула она. – А что так мало? Ещё тысяча должна быть.

– А я сдал, – выдал Пётр подготовленный ответ. – У нас теперь касса взаимопомощи. На похороны всякие, дни рождения или если срочно надо кому...

– Ишь ты, – удивилась мама, убирая пачку в карман халата. – Ну, я с начальником твоим поговорю. Нам в первую очередь надо. Вон, хоть носки тебе купить, а то уже замучилась зашивать.

На этом разговор был окончен. Пётр с облегчением прошёл в свою комнату и прикрыл дверь. Он снял с себя огромный пиджак из серой ткани, похожий скорее на туристическую

палатку, и стащил штаны. Костюм этот сшила мама, поскольку в магазинах такой размер найти было затруднительно. Пётр надел растянутые на коленках треники, повесил одежду в обшарпанный гардероб и покосился на дверь. Затем вынул из трусов несколько купюр, сунул в тайник за шкафом – подвешенную на ниточках папку для бумаг – и двинулся на кухню.

– Садись, – сказала мама, разливая по тарелкам густой суп, состоящий преимущественно из крупных кусков картошки. – Ты не смотри, что я ворчу сегодня. Давление просто. Голова болит.

– Может, врача вызвать? – робко предложил Пётр, пытаясь разместить огромные ягоды на крохотной табуреточке.

– Да что с него взять? – возразила мама. – Пропишет каких-нибудь таблеток. А я эту отраву пить не буду. Кушай.

– Mam, может, поменьше? – с сомнением спросил Пётр, глядя в огромную тарелку.

– Ешь! – твёрдо сказала мама. – Ты мужик. Солидно выглядеть должен. И на работе чтобы сил хватало. А то, смотрю, еле ходишь уже.

Пётр вздохнул и начал есть. За супом последовала котлета с картошкой. Мама сидела напротив, глядя на него сквозь очки.

– А ты что не ешь, мам? – спросил Пётр.

– Да я, пока тебя ждала, уж уплела котлетку. Много ли мне надо-то? Эх... Смотрю я на тебя, Петушок, и думаю – ну как я тебя такого родила? Всем на загляденье. Я сама-то что? От горшка два вершка. А ты богатырь...

– Mam, – Пётр почувствовал, как у него краснеют щёки. – Ну, я же большой уже. Какой я Петушок?

– Я же тебя помню, каким ты маленький был, – ответила мама. – Лежишь, тянешься ручками ко мне... Скажешь тебе: «Петя-Петушок, золотой гребешок», ты сразу заулыбаешься. Ты и сейчас такой же. За это и люблю.

– И я тебя люблю, мама, – сказал Пётр.

Картошка была крепко пересолёной, но он знал, что надо доесть. Лучше уж немного потерпеть невкусную еду, чем огорчать маму, у которой плохое настроение, да и давление ещё.

– И компотику, – сказала мама, забирая пустую тарелку.

Пётр быстро выпил стакан приторного компота, встал и поблагодарил маму за ужин.

– Да за что уж там, Петушок? – сказала мама, подошла к нему и обняла, насколько хватало её маленьких узловатых ручек.

Придя к себе, Пётр включил телевизор.

– России нужна твёрдая рука, – вещал грозный мужчина в костюме и галстук – возможно, депутат. – Мы должны задавать нравственные ориентиры. Нельзя пускать воспитание народа на самотёк, иначе...

Пётр пощёлкал каналы при помощи пассатижей, но ничего интересного не нашёл. Подумал, не выйти ли в Интернет, но знал, что мама не одобрит. Поэтому достал из пакета книгу, включил лампу в изголовье и, разместив тело на кровати, продолжил чтение.

Собственно, ради Интернета в основном Пётр и пытался понемногу откладывать деньги. Надо было покупать иногда карточки оплаты. Ещё и компьютер дышал на ладан. Блок питания включался через раз, винчестер издавал подозрительные звуки, да и сбойных участков на нём хватало. Пётр, конечно, мог попросить у мамы денег на замену устаревших частей, поскольку компьютер нужен был и для работы, но знал, что она из своей прижимистости даст намного меньше, чем нужно. Она не признавала ни за какими железяками права стоять дороже, чем мешок картошки.

Скоро Пётр перестал понимать, что читает, и решил, что пора спать. Он сходил в туалет, почистил зубы и, вернувшись в комнату, разобрал постель. Накрывшись одеялом, он лёг на бок и скоро заснул.

Сон его был беспокойным. Он то и дело переворачивался, бормотал и сучил ногами, словно от кого-то убегал. Под утро, правда, ему стало сниться нечто приятное, и он, перевалившись на спину, сладко засопел, пока его не разбудило бьющее в окно Солнце.

Сегодня была суббота. Он лежал под одеялом, всё ещё наполовину во сне, и тело просило неясного, от чего всё существо Петра наполнилось сладкой истомой. За горой жира, в которой он с грустью узнавал свой живот, что-то слабо шевельнулось. Он знал, как бы мог удовлетворить своё желание, но не решался. Много лет назад мама застучала его за рукоблудием, и он, единственный раз за жизнь, почувствовал на себе её палку. Синяки давно зажили, челюсть сама же мама вправила на место, поскольку по партийной линии в молодости посещала курсы Красного Креста, но с тех пор Пётр боялся повторять содеянное даже за закрытой дверью.

Он сел на кровати, совершенно не представляя, на что потратить день. Ему было даже жаль, что не нужно идти на работу. В конце концов, работа ему нравилась. Бывший оборонный завод, правда, практически развалился, но Пётр всё ещё работал на космос в одной из образовавшихся на его месте шарашек. Тестировал секретное оборудование, паял, писал программы. И делал это вроде бы даже хорошо.

Хотя, на самом деле, он давно уже задумал одно дело, которое старательно откладывал на потом. И сейчас было самое подходящее время им заняться – по выходным мама вставала обычно поздно.

Пётр натянул треники, сел за компьютер, отчего дряхлый стул заскрипел жалобно и тревожно, и включил системный блок. Компьютер грузился долго, мигая светодиодами и шурша. Пётр снял с монитора клавиатуру и положил перед собой. Потом, когда на мониторе уже нарисовались все нужные значки, запустил браузер и выбрал из закладок адрес сайта знакомств. Запищал модем, набирая номер, затем произошло соединение, и сайт медленно, но верно начал открываться.

Пётр рассеянно смотрел несколько секунд на открывшиеся фотографии улыбающихся девушек и парней, но, поскольку заходил сюда не в первый раз, понимал, что ни с кем пообщаться не сможет, пока не зарегистрируется. Так что он решительно ткнул мышкой в кнопку «Создать анкету» и приступил к заполнению, нажимая клавиши толстыми, неуклюжими пальцами. Указав имя Петя, возраст тридцать один год и рост сто восемьдесят сантиметров, он остановился на пункте «Обо мне» и крепко задумался.

Некоторое время спустя он всё же набрал слово «Одинокий», но тут же стёр и написал «Неглупый, в меру симпатичный». Однако и это его не устроило, поэтому Пётр снова удалил текст и продолжал сидеть, глядя в пустое поле ввода. Наконец он напечатал «Уверенный в себе» и стал размышлять над следующим словом.

Из оцепенения его вывел противный, словно завывания гиены, дверной звонок. Пётр, сообразив, что звук может разбудить маму, тут же свернул окно браузера и как мог быстро понёсся к двери, опрокинув по пути тумбочку в коридоре.

На пороге стоял Олег Макаров, его коллега по работе, программист. Примерно того же роста, что и Пётр, он был широкоплеч и мускулист, и его одежда – ярко-белая футболка с изображением девушки в тёмных очках и узкие чёрные джинсы – фигуру только подчёркивали. Лицо Олега украшала щетина, сильно заметная то ли от того, что он был брюнетом, то ли просто потому, что с утра он не брился.

– Здорово, – сказал Олег. – Мне шеф звонил. Меня в понедельник с утра в командировку посылают. Ты не скинешь мне свои тесты? А то мои хрен знает, заработают или нет. Твои-то проверенные.

– Здравствуй, Олег, – сказал Пётр. – Конечно. Проходи. Тапки вон надевай.

Они проследовали в комнату. Пётр тщательно прикрыл дверь и уселся за стол, жестом указав на свободный стул рядом. Олег достал из кармана флэшку, протягивая Петру. Тот взглянул на неё растерянным взглядом.

– Так у меня это... – сказал он. – И воткнуть-то её некуда.

– Чего? – Олег нахмурился, сел и уставился на системный блок под столом. – Это что же у тебя за старое барахло, что ю-эс-би порта нет?

– Четвёрка, – смущённо ответил Пётр. – Четыреста восемьдесят шестая, то есть. Да ты не переживай, сейчас я на дискетку запишу. Тест маленький, влезет. Вон, семьсот шестьдесят один килобайт.

– Блин, это пипец, – покачал головой Олег. – Это даже не продать никому. Давно бы хоть мамку поменял.

Олег имел в виду, конечно, материнскую плату компьютера.

– Поменяю как-нибудь, – согласился Пётр, вставляя дискету в дисковод.

– Это кто там у нас?! – послышался из спальни голос мамы, заставив Петра похолодеть.

– Это с работы, мам, – крикнул Пётр дрогнувшим голосом.

Раздалось долгое тяжёлое кряхтение, затем приближающийся стук палки.

Дверь приоткрылась, и вошла мама, недобро смотря на Олега сквозь криво надетые очки.

– Тебя кто звал? – спросила она с ходу.

– Простите? – не понял Олег, привставая со стула.

– А то я не знаю, чего вы все ходите! – Мама повысила голос. – У вас одно на уме! То пьянка, то всякая порнографья. Мой Петушок не такой. Нечего его портить!

Пётр и правда притих за компьютером, вжавшись в стул, и глядел, как со скрипом переписываются на дискету файлы.

– Мамаша! – Олег прокашлялся. – Не волнуйтесь вы. Я по делу пришёл.

– Какое такое дело? – не унималась мама. – Может, наркоту притащил? А ну, карманы выворачивай!

Она потянулась рукой к джинсам Олега. Олег отбил её руку:

– Да как вы смеете?! Сына своего сами уродуете, а я виноват...

– Ах, ты драться! – мама завизжала и занесла над головой палку.

Олег перехватил палку в воздухе и уверенно, но мягко отобрал, а потом отбросил в сторону и хмуро уставился маме в глаза. На секунду воцарилась тишина, наполненная зависшей в воздухе злобой. Мама моргнула, и у неё лихорадочно затрясся подбородок.

– Да пошли вы все, – тихо буркнул Олег, вырвал у Петра из рук уже записанную дискету и быстро вышел из комнаты. Хлопнула дверь.

Мама привалилась к стене, тяжело дыша и пытаясь нашарить что-то рукой. Пётр засуетился, поднял палку, подал. Мама заковыляла к себе, причитая:

– И кого ты впустил?! Я-то ведь всё для тебя...

Пётр сел рядом, пытаясь поддержать:

– Прости, мама. Я же не знал. Он по работе...

– И на что я тебя только рожала, неблагодарного?! – Мама скрылась в своей комнате, громко закрывшись на шпингалет, и через минуту из-за двери донеслись её глухие, неровные рыдания, перемежаемые невнятными причитаниями.

Пётр потоптался немного в коридоре, потом пару раз вздохнул тяжело и поплёлся к себе. Сел за стол и развернул окно браузера. На него уставилась недописанная строка «Уверенный в себе».

Пётр сидел ещё долго и глядел на экран, не мигая. Потом резко закрыл окно программы и выключил компьютер кнопкой на корпусе. Из его глаз впервые за много лет вдруг хлынули настоящие, обильные слёзы. Они лились и лились, но он не издавал ни звука. Не хотелось маму расстраивать.

Март 2014, Мытищи

Сантехник

Мы собираемся на улицу. Мне уже жарко. Я стою перед мамой в валенках, толстых колготках, штанах с начёсом и тёплой кофте. Мама застёгивает моё пальто на огромные пуговицы с четырьмя дырочками. Сверху повязывает два платка – сначала тонкий, белый, потом толстый, мохнатый и колючий.

– Мам, а зачем ещё платок? – спрашиваю я. – Он мне не нравится.

– На улице очень холодно, – говорит мама. – Ты поправилась только недавно.

Она надевает мне огромные, неудобные рукавицы, отпирает дверь.

– А куда мы идём? – спрашиваю я и понимаю, что сплю.

Сон развеивается, словно его и не было, но я всё ещё чувствую, как колет подбородок тот толстый серый платок. Просыпаться совсем не хочется. Сколько сейчас времени? Окно занавешено. Часов нигде не видно. А висели же на стене огромные ходики с шишечками. Куда делись? А ещё на окне у меня был не то цветок, не то горшок. Цветок в горшке.

Почему-то я лежу на кровати в тапках. Забыла снять, должно быть. Или собралась куда-нибудь. Куда? Не помню. Смотрю на свои руки. Раз, два, три, четыре, пять. Раз, два, три, четыре, пять. На каждой руке по пять пальцев. Надо считать так всё время, подолгу. Это же несложно, а польза большая. Иначе мозг закиснет и откажет. Но я-то, между прочим, ещё ничего, вполне себе хорошо соображаю. И помню всё отлично. Помню, как Верочка Сквородкина подняла на уроке руку и говорит: «Елена Владимировна, а Коробков бумажками кидается». Востроносенькая такая, косички тоненькие и уши торчат. А вот Коробкова что-то уже не помню. Девочки – они надолго, а мальчики приходят и уходят. Дети любили меня. А я предмет свой любила. Жалко, что пришлось уволиться. Когда глохнешь, уже не так-то просто учителем работать.

Надо встать. Спускаю с дивана ноги на пол. Надо же, я в халате спала. В кармане что-то мешается. Очки. С очками в кармане спать завалилась, дурында. И как не раздавила-то... А это что? Вроде бы прокладка. И что она у меня в кармане делает? А на ней коричневое пятно и воняет. Фу! Руку испачкала. Где платок? Нету. Куда я его засунула? Точно здесь был, в кармане. Наверно, украли. Тут много всякого народу ходит. То один, то другой. И Агриппина, старая карга. Она, небось, платок утащила. А прокладку эту грязную подбросила. Шутница, тоже мне, доморощенная. Надо руку помыть.

Ох, что-то подняться тяжело. Встала. Голова кружится. Надо бы отдышаться. Раз, два, три, четыре, пять. Всё помню, да. Только вот зачем встала, не помню. Ну ладно, вспомню уж по дороге. Наверно, ночь сейчас, а я вскочила. Так вот, бывало, мы с Галиной Николаевной допоздна засиживались. Она мне что-нибудь рассказывает, а я ей. Всё смеёмся, а потом посмотрим на часы – и спохватимся. Давно уж домой пора. Домой, домой... К чему я это вспомнила? А, ладно.

Ноги не идут. Что это со мной? Заболела, что ли? Коридор во все стороны. Одна дверь, другая. Наверно, я в туалет шла. Зачем я ещё могла встать? Есть не хочу. Точно. Значит, в туалет. Вот и он. Только свет не горит. Нашла выключатель. Щёлкаю, свет не включается. А эту кнопку если? И тут не включается. И третья тоже не работает. Всё перегорело. Надо соседям сказать, чтобы поменять помогли. Что за безобразия – в туалете свет не горит. Ладно, как-нибудь так. Оставлю щёлочку. А, нет, загорелись все три. Что за лампочки такие заторможенные?

Ну вот, села, а вроде и не хочется ничего. Ладно. Потом ещё схожу. Надо назад возвращаться. Только вот куда назад? Эта дверь? А может быть, эта. Прикрыта. Толкаю вперёд, захожу. Большая комната. Не узнаю её что-то. Ой... Кто это? Мужик сидит в кресле. Страшный, жирный, в очках. Пячусь задом, чуть тапок не потеряла.

Что-то у меня со сна голова плохо соображает. Где это я? Это же не моя квартира. Откуда столько комнат? Больница, что ли? А мужик этот кто? Голова кружится, сейчас упаду. Сяду на табуреточку тут, в коридоре, отдышусь.

Раз, два, три, четыре, пять. С пальцами всё в порядке. Это хорошо. Так. У меня дочка была. Валя. Это помню. А где она? Что вчера такое было, что у меня из головы выпало? Мужик в той комнате сидит, будто так и надо. Не похоже, что вор. А, понятно. У нас же с трубами беда. То ли засор, то ли протечка. Мы же сантехника вызывали. Ясно. Бояться нечего.

Встаю, снова иду. Мужик сидит в кресле. В экран какой-то смотрит. Кнопки нажимает. Как у себя дома.

– Здравствуйте, – говорю.

Он поворачивается ко мне, вздрагивает, что-то отвечает. Не слышу. Я же аппарат забыла вставить.

– Вы сантехник? – кричу. – Трубы проложили уже?

Он опять шевелит губами, головой мотает. Что, не сантехник, что ли? Не пойму. Сидит в штанах спортивных. Ноги поджал. Что-то здесь нечисто. Странное место. На окне горшка нет. Полки, шкафы кругом. На больницу не похоже. Зачем я здесь?

Иду назад. Соображаю. Это точно не мой дом. Может, мне вчера плохо стало, да меня по ошибке сюда привезли? Помню красную машинку. Цифры помню какие-то. Семь, шесть, один. Кажется, так. А что за цифры, к чему, не помню. Где мама моя? И дочка где? Или это я дочка и есть?

Сяду, ещё посижу. Раз, два, три, четыре, пять. Почему так ходить трудно? Накачали меня, что ли, каким-нибудь этим... Слово забыла. Похитили. У мамы, небось, выкуп будут просить. Может, милицию вызвать? А где телефон? Вот, рядом стоит, под рукой. Как тут набирать-то? Кнопки разные, не поймёшь ничего. Если бы мой телефон был, с диском, сообразила бы. Ничего, я их сейчас перехитрю.

Встаю, осматриваю вешалку. Куртки висят. Пальтишко моё где? Должны быть пуговицы с четырьмя дырочками. И платок мохнатый. Ладно, возьму эту куртку. Вроде налезла. И шапка в кармане. Страшная какая-то. Да ничего, авось не замёрзну. Главное, чтобы от обочины подальше. Подхожу к двери, дёргаю. Заперто.

Вот же сволочи какие. Заперли, как зверка в клетке. Отхожу на шаг, наваливаюсь на дверь. Ой. Больно в плече. Ироды, за что же вы так-то? Что я вам сделала? Колочу в дверь кулаками.

– Откройте дверь, откройте дверь! – кричу я. – Милиция!

Мужик этот подскочил. Говорит что-то, ругается. Лицо сердитое. За руку берёт, отстаскивает. Чуть не падаю.

– Что творите?! – кричу. – Мне туда надо! За мной приедут сейчас.

Он опять говорит, машет руками.

– Если тебе, сволочь, сказали трубы чинить, ты и чини! – говорю я, разворачиваюсь и иду прочь.

Вроде отстал. Иду по коридору. Ещё комната. Балконная дверь. Не удержите вы меня тут. Люди помогут. Открываю дверь, выхожу на балкон. Высоко. Точно не мой дом. У меня всего пять этажей, а тут вон какая высь. Внизу ходят люди. Вон же, вон она! Красная машинка.

– Валя! – кричу я. – Я здесь! Забери меня отсюда!

Кто-то подходит ко мне сзади, хватает за рукав. Оборачиваюсь. Женщина. Симпатичная, но недовольная. Кого-то мне напоминает. Она тащит меня в комнату, закрывает балкон. Стаскивает шапку и куртку. Ведёт, сажает на диван. Уходит. Что всё это значит? Не понимаю. На полу валяется белая прокладка. Сквозь шторы пробивается свет. Женщина возвращается, садится рядом. Что-то вставляет мне в ухо. А, аппарат мой.

– У меня дочка на вас немного похожа, – говорю я. – Валец зовут.

Она садится рядом. Глаза грустные.

– Я – твоя дочь, – говорит она. – Я Валя. Мама, ты что тут устроила? Зачем Пашину куртку надела? Куда собралась?

– Домой, – говорю я.

– Здесь твой дом теперь, – она вздыхает сердито. – Я замуж вышла. А ты одна жить не можешь. Забываешь всё. Не ешь по нескольку дней. И сейчас не ела. Что, не видела тарелки на столе? Нам пришлось тебя к себе забрать, понимаешь? Я только на минутку вышла в магазин, а ты раскричалась, Пашу напугала. И почему от тебя пахнет? Да у тебя же рука в говне! Дай хоть салфеткой вытру.

Она трёт мне руку мокрой белой тряпкой.

– Ну, приходи в себя, – говорит она. – Помнишь меня? Я – Валя, дочка твоя. Помнишь?

– Помню, – говорю я. – Конечно, помню.

На всякий случай улыбаюсь.

– Ну, хорошо, – она устало вздыхает. – Я пойду, полежу. Ты нам всю ночь спать не давала. Песни всё пела про могилку свою. Поешь. Кажется, тёплое ещё.

Она уходит. Вроде поверила, что я её помню. Но она не моя дочь. Не Валя. Этой тётке лет сорок. А Валя молодая совсем. Зачем они меня сюда привезли? Что им за корысть? Где мой дом? Где моя мама?

Я замечаю перед собой, на столе, справа от тарелок с едой, небольшое зеркало. Там отражается старуха с седыми волосами. Щёки ввалились, во рту совсем мало зубов. В ухе слуховой аппарат. Это что же – я?

Я сижу молча, пытаюсь сосчитать годы. Если, скажем, восемьдесят, то, получается... Я чувствую, что сейчас заплачу. Уже плачу. Подбородок трясётся, из глаза бежит слеза.

– Мама! – шепчу я. – Ты жива?

*Мытищи,
март 2016*

На дачу

Игоряша открыл левый глаз и ужаснулся. По комнате скользила тень огромного костлявого чудовища. Игоряша закрыл левый глаз и открыл правый, но от такого резкого движения у него начался нервный тик. Пару раз передёрнувшись, он понял, что тень порождена необычайным совпадением двух невероятных событий – во-первых, сквозь серое затянутое паутиной окно пробился луч яркого солнца, во-вторых, по стеклу бежит огромный, отъевшийся таракан.

Игоряша хотел было рассказать жене об этом волнующем факте, но под одеялом слева никого не нашёл. Он принялся на всякий случай шарить справа, решив, что в такое необычное утро жена вполне могла лежать и не совсем там, где всегда, но справа оказался край кровати, и Игоряша чуть не упал.

Он с хрустом сел, протянул через всю комнату свои худые волосатые ноги, прочистил горло и прикрыл причинные места краем одеяла во избежание.

– Манюсик! – сипло, нараспев, прокукарекал он.

– Чаво? – ответил бас жены из ванной, где она пыталась прореживать густую поросль на бровях при помощи фарфорового чайника с крышечкой, поскольку не нашла нигде пинцета.

– А не скататься ли нам на дачу? – спросил Игоряша, наклонившись и почесав пятку. Тут голова его зацепилась за паутину, и ему пришлось долго отплёвываться и отмахиваться. Сбитый при этом паук чихнул и сонно заковылял в угол.

– Да страшновато, – ответила Маша, нечаянно ткнув носиком чайника себе в глаз. – Уж сколько там не были. Я от соседей слышала в позапрошлом году – там лес. Люди пропадают. И вой по ночам.

– Давай съездим, – настаивал Игоряша, попытавшись разогнуться. Чёртов радикулит скрючивал тело в обратную сторону, наизнанку, словно неправильно свёрнутую шаурму. – Развеемся.

– Да это ж собираться надо, – сказала Маша и присмотрелась к отражению в зеркале. Что-то не то было со ртом, но она никак не могла понять, что именно, поскольку в ванной было довольно темно.

– Да мы ж мигом, – сказал Игоряша и зевнул. Разгибаться стало лень, и он подумал, не поспать ли ему в этой новой, скрюченной, ещё не испробованной позе.

– Ну, давай, – согласилась Маша и зевнула в ответ. Из её разинутого рта вылетела проснувшаяся муха и, покружив, присела на чей-то огромный, зубастый скелет в ванной, чтобы продолжить сон. – А как?

– А куда же я машинку-то дел? – спросил себя Игоряша и как раз увидел перед лицом выдвинутый ящик полусгнившей тумбочки. Он засунул туда свою худую синюшную руку и извлёк два комплекта ключей.

Маша вдруг поняла, что вызывает её дискомфорт. Верхний правый клык перекосило, и он торчал наружу, словно суслик из норы. Она схватилась за него рукой, чтобы попытаться вытащить, но забыла про чайник, который держала в руке, от удара потеряла сознание и рухнула на пол.

– Это от чего такие причудливые? – не понял Игоряша. – А. Один от сарайчика, а второй от «Лексуса». Я его у Владимира Ивановича в две тысячи каком-то брал, неприятности со свечками посмотреть, да забыл вернуть.

– Может, на нём и поедим? – спросила Маша, подымаясь с пола и вправляя вывернутую лодыжку.

– Да не, – Игоряша встал, наконец, с кровати и упёрся рогами в потолок, отчего пришлось сесть обратно. – Я же его разбил. Там целые только три колеса и радиатор, остальное если только в переплавку.

– Ну, тогда на нашей, – сказала Маша, осматривая свои окровавленные руки. В кулаках оказались зажаты осколки чайника и вырванный зуб.

– Угу, – сказал Игоряша, ёрзая на кровати и пытаясь решить, куда девать рога. – Вот только где она, не помню.

– Ты же гараж купил пару лет назад, – сообщила Маша. Теперь надо было что-то делать с кровоточащими порезами на лице, но она уже устала и потому присела отдохнуть на кучу грязного белья, которое заполняло почти всю ванную комнату.

– Правда? – Игоряша изумился, и рога, отвалившись, закачались на люстре. – Что-то подзабыл. Тогда должны быть ещё ключи.

Он снова сунулся в ящик, но рука его наткнулась на что-то вонючее и настолько отвратительное, что он отпрянул и всё-таки упал с кровати, чуть не заснув в полёте к полу.

Маша открыла зеркальный шкафчик перед собой, и оттуда посыпались баночки с кремами, шампунями и дезодорантами, пустые бутылки, перегоревшие лампочки и прочее барахло.

– А вот и он, – обрадовалась Маша, вытаскивая ржавый пинцет, воткнувшийся в центр лба. – И пластырь как раз.

– Что ты говоришь? – переспросил Игоряша, пытаясь выползти в коридор. Ему мешали стебли филодендрона, растущего в горшке на кухне.

– Я говорю, – сказала Маша, залепив пластырем окровавленный лоб, – что гараж-то прямо у подъезда. Отчего же ты не помнишь?

Игоряша перегрыз два самых толстых стебля и выбрался в коридор.

– Вот какие-то ключи, – сказал он, подняв с пола комок пыли, в котором угадывалось нечто металлическое.

– Хорошо, – сказала Маша, заклеивая порезы на щеках. – Я почти готова. Только юбку ещё надо найти. Давно её не видела.

– А вот и телефончик мой, – сказал обрадованно Игоряша. – Он тут в прихожей на зарядке стоял, оказывается. Зарядился, прямо чудеса! Я тут как раз проснулся на прошлой неделе и думаю – вроде был у меня телефон.

Маша закончила с ранами и стояла посреди ванной в майке и колготках, соображая, где может находиться самая свежая юбка.

– Может, ты мне позвонишь? – спросила она. – Я свой тоже как раз не нашла.

– О! – отозвался Игоряша. – Да тут семьсот шестьдесят один пропущенный звонок. В основном от Владимира Ивановича. Чего он хотел, интересно знать? И ещё – как странно... На телефоне бумажка приклеена сзади. Написано «Перезвони, скотина». Откуда это?

Маша догадалась заглянуть в стиральную машинку, но дверца присохла и не открывалась. К счастью, на полу рядом стоял ломик. Но и он не справился, а лопнул с протяжным и жалобным гулким криком.

– Я тебе звоню, – сказал Игоряша. – Слышишь?

Машин телефон где-то совсем рядом издал прощальную трель и сдох. Маша, однако, успела оглянуться на звук. На полуистлевшей верёвке над ванной сушилось прошлогоднее бельё. Телефон, похоже, находился в кармане юбки.

– Надо же, – сказала Маша. – У меня в юбке и карман есть.

Она сняла юбку с верёвки и обнаружила в одной из дыр повесившуюся крысу. Поразмыслив, Маша решила крысу вынуть и отложить на потом, поскольку заниматься похоронами сейчас представлялось совершенно неуместным.

Она принялась натягивать юбку через голову, просунула руки и застряла.

– Игоряша! – позвала она. – Ты мне не поможешь? Я, кажется, чуточку располнела.

Игоряша уронил от неожиданности телефон в кучу мусора под собой и понял, что найти его снова практически безнадежно. Он вздохнул и на четвереньках двинулся к ванной.

– Извини, – сказал он. – Что-то я не разберу, где ты. Тут какая-то трава.

– Сейчас я выйду, – сказала Маша, пыхтя и пытаясь сдвинуть юбку пониже. – Должно быть, это морская капуста проросла. Я в прошлом декабре там банку открытую уронила. Лень было собрать.

Игоряша поднялся, наконец, на ноги, перешагнув через траву и громко заорал. Навстречу ему двигалось странное существо, запутанное в старую драную тряпку. С его морды, целиком облепленной пластырем, капала кровь, а жирные руки торчали вверх, словно ветки зловещего дерева.

– Да ты что? – удивилась Маша. – Это же я. Помоги юбку надеть.

– А это самое, – пробормотал Игоряша. – Экое недоразумение. Ну да...

Он дёрнул ткань вниз, что-то хрустнуло, и Маша освободилась.

– Фу, – сказала она. – Теперь хоть дышать можно.

Большая часть юбки опала вниз мелкими клочками, однако на поясе осталось ещё достаточно, чтобы Маша не придавала этому слишком существенного значения.

– А ты что не одет? – спросила она. – Я думала, мы уже выходим.

– Я быстро, – ответил Игоряша. – Где-то тут были штаны.

Он надавил на дверь в соседнюю комнату, она приоткрылась, и из щели повалились предметы одежды, среди которых Игоряша мигом отыскал джинсы и футболку, а затем ещё быстрее натянул.

– Ловко, – сказала Маша, присвистнув сквозь новую дырку в зубах. – Остался навык ещё.

– Вот с обувью беда, – сказал Игоряша. – В прихожей, кажется, лампочка перегорела. Но, думаю, и так сойдёт. – Он пошевелил пальцами на ногах. Правая оказалась босой, а левая – в драном носке.

– Да нет, – ответила Маша. – Наверно, это свет всё-таки отключили. Я всё забываю зайти заплатить. Как-то раз пошла, лет шесть назад, да заблудилась на лестничной площадке. Решила вернуться и еле нашла нашу дверь.

– Ничего, – сказал Игоряша. – На этот случай у меня вот что есть.

И он достал откуда-то из штанов старый фонарик, который тускло, но уверенно светил.

– Какой ты у меня предусмотрительный, – восхитилась Маша. – Как же хорошо, что мы поженились...

– А то, – Игоряша болезненно покраснел, и они начали пробираться к выходу.

– У меня в чём-то нога застряла, – сказала Маша. – Кажется, детская коляска. У нас разве дети есть?

– Не помню, – признался Игоряша. – Надо будет поискать.

Он начал возиться с заржавевшим замком.

– Не уверен, сумеем ли мы выйти, – сказал он. – Может, слесаря вызвать?

– Не стоит, – сказала Маша и стукнула кулаком по двери. Трухлявая древесина рассыпалась, открыв выход на площадку.

– А где лифт? – спросил испуганно Игоряша. На площадке стояла кромешная тьма.

– Может, тут? – предположила Маша, ткнув в ещё одну дверь. Дверь вздохнула и превратилась в пыль. Из открывшегося проёма пахло плесенью. – Нет, тут другая квартира.

– Вот же кнопка вызова, – обрадовался Игоряша. Его костлявый палец с хрустом нажал кнопку, и они услышали сначала треск наверху, затем пронзительный свист и торжественный грохот внизу. – Что это было, интересно?

– Кажется, кабина упала, – сказала Маша. – Какая, однако, жалость. Придётся пешком.

– А сколько там внизу этажей? – поинтересовался Игоряша.

– Ну и вопросы, – обиделась Маша. – Я что тебе, математик?

– Честно говоря, я запомнил, – ответил Игоряша. – Вот я вроде учителем был. Или даже директором школы. А когда мне выходить на работу? Или я бросил эту привычку?

– Да что уж там прошлое ворошить, – сказала Маша. – Я помню только, что мне как-то раз зарплату выдавали. Такими бумажками, знаешь ли, разноцветными. А за что – хоть убей, не скажу.

Фонарик выхватил из темноты чьи-то перепуганные глаза. Маленькая фигурка метнулась прочь и ударилась в стену.

– Что это было? – спросил Игоряша.

– Может, кошка? – предположила Маша.

– Не похоже, – сказал Игоряша. – Ног больше. И уши резиновые.

Они внезапно обнаружили, что спустились до конца. Дальше лестница была засыпана грязью и обломками бетона. Правда, наружу вела тропинка через окно, покрытая многочисленными звериными следами.

– Как странно, – сказала Маша. – В прошлый раз этого не было.

Выбравшись на покривившийся козырёк подъезда, они вдохнули пьяный сырой воздух.

– Как хорошо! – сказала Маша, потянувшись.

– Да уж, – согласился Игоряша и, заметив, что на нём надеты грязные очки, решил их протереть.

Их окружал дикий лес, проросший сквозь остатки полуразрушенного микрорайона. На соседнем причудливом дереве, похожем на берёзу, но сплошь усыпанном часто моргающими глазами, покачивался ржавый кузов машины.

– О, – сказал Игоряша, протянув дрожащий узловатый палец. – Это же моя.

Ветка хрустнула, и машина полетела вниз.

– Наша, – поправила Маша обиженно.

– Вынужден заметить, – сказал Игоряша, – что у тебя пластырь отклеился на губе.

– А ты очки уронил, – парировала Маша.

Над ними, чуть не зацепив пропеллерами дом, проследовал в северном направлении аппарат ржавого цвета с четырьмя крыльями и дымящей трубой.

– А что здесь случилось? – поинтересовалась Маша. – Ну, пока мы не выходили... Кризис какой, что ли? Или война?

– Да какая разница, – отмахнулся Игоряша. – Знаешь, я уже того... Кажется, я совсем уже развеялся. Пошли спать.

И они, набравшиеся новых сил, поползли в разбитое окно, чтобы вернуться в свою уютную квартирку.

30.07.2016

Уши в сухарях

1

Море не имело конца. Оно простиралось до самого горизонта, и, скорее всего, намного дальше, касаясь грязного серого неба, заляпанного неровными акварельными пятнами туч. Море и само казалось серым. Оно дышало сердито, накатывая волны на берег с недружелюбным шипением. На кого оно злилось, трудно было понять. Берег, абсолютно безлюдный, бездействовал, принимая на себя всплески холодной солоноватой воды, которая то отступала назад, разбегаясь, то набрасывалась на песок, обрызгивая пляж с пластиковыми топчанами, сложенными неровной стопкой, и нелепыми плетёными зонтиками стустками своей злобной слюны.

Песочного цвета здание отеля тоже выглядело серым под этим мрачным небом. Его пустые окна смотрели в море, словно спрашивая, что же будет дальше. А сердитое море шипело лишь невнятные звуки, из которых трудно было составить осмысленный ответ. Но по его настроению отель догадывался, что море не просто злится. Оно ждёт. Оно – это огромная алчущая пасть, которой нет ни конца, ни края. И оно способно проглотить любую вещь или субстанцию, как только она появится здесь, на молчаливом берегу. Море готово было ждать долго.

С другой стороны, иногда море выносило на берег разные любопытные вещи – то комок водорослей, то разъединенную солью пластмассовую игрушку, в которой совершенно невозможно было узнать синего зубастого заводного медведя, которым она была раньше, то безжалостно разломанную надвое тушку неизвестного науке морского животного. И непонятно было, то ли море таким образом стремится загладить свою вину, то ли считает себя создателем этих предметов и гордо преподносит их миру, чтобы все вокруг восхищались, то ли просто выкидывает за ненадобностью.

А где-то далеко пространство было изогнуто, искривлено и рассечено на мелкие кусочки блестящими гранями стеклянных витрин. Пространство покачивалось в такт шагам Антона, который хмуро приближался к яркой надписи на стекле, частично в нём отражаясь. Он остановился ненадолго, засомневавшись, поскольку кроме стеклянной стены ощущал ещё одну, воздушную, не вполне существующую в реальности, но которую ему было значительно труднее преодолеть. Однако решение он принял намного раньше, да и привычка в прохождении сквозь воздушные стены накапливалась годами, поэтому Антон смог заставить себя напрячься, вдохнуть, чуть нагнуться вперёд и быстро, размашистым шагом, миновать плотную невидимую преграду на пути к стеклянной двери, в которую он и зашёл.

Скучающая девушка с большими белыми кольцами серёжек в ушах встрепенулась и произнесла что-то, чего Антон не разобрал. Он был занят тем, чтобы справиться со своим напряжением. У него была цель, которой во что бы то ни стало нужно было добиться. Напряжение мешало. Страх душил Антона, и пространство продолжало покачиваться несмотря на то, что Антон уже не шагал, а сидел в кожаном кресле напротив сотрудницы агентства, сам не заметив, как в нём очутился.

– Простите? – переспросил Антон и ужаснулся своему голосу. Он раздавался откуда-то со стороны, совершенно чужой, неприятный, и Антон слышал его словно сквозь толстый слой ваты. Надо было как-то овладеть голосом, объяснить изящной сотруднице, что ему нужно, да так, чтобы результат оказался правильным.

– Я сказала: «Здравствуйте», – отозвалась девушка за столом. – Чем могу помочь?

Она улыбнулась, и сердце Антона сжалось. Он не очень любил, когда люди улыбаются. На это нужно было как-то реагировать. Улыбка означала попытку контакта, которых он всячески старался избегать. Впрочем, на этот раз ему пришлось пересилить себя, ведь он пришёл по своей воле. И, возможно, девушка с ужасающей белозубой улыбкой действительно могла ему помочь.

– У меня довольно необычное пожелание, – сказал Антон и заволновался сильнее, понимая, что говорит не совсем то, что хочет, не теми словами, да и начал совсем не с того. – Мне нужно поехать куда-нибудь в тихое место. На две недели. Отдохнуть. И чтобы там никого не было.

– Почему же необычное? – удивилась девушка. – Многие устают от города. Когда хотите вылететь?

Антон переварил в голове образ огромного города, жители которого устали и разом вылетели именно в то тихое место, куда планирует отправиться он, испугался, но в следующий миг осознал, что ему задан вопрос.

– Если возможно, завтра, – сказал он. – То есть в понедельник.

– Сколько звёзд искать?

Антон напрягся, пытаясь понять.

– Отель сколько звёзд? – уточнила девушка.

– Мне всё равно, – ответил Антон. Потом спохватился: – Но что-то недорогое.

– Какая линия? – последовала очередная загадочная фраза. Антон чувствовал, как его пытаются запутать, отодвинуть всё дальше от цели, говоря о чём-то, что не имеет никакого отношения к ней.

– Что за линия? – пробормотал он, нахмурившись.

Сотрудница агентства почуяла его неопытность, и Антон уловил в её голосе лёгкое раздражение:

– Бывают отели первой линии, прямо на море, – объяснила она. – А бывают второй или третьей, дальше.

– А море-то зачем? – не понял Антон.

– Как зачем? Отдыхать! – девушка развеселилась. – Солнце, море, танцы до утра. Что ещё нужно для хорошего отпуска?

Антон задрожал.

– Вы меня не слышите, – сердито выговорил он, и почувствовал, как пространство вокруг сжимается, готовясь его раздавить. – Мне не нужны танцы. Мне нужно одиночество.

Образ его собеседницы чуть размазался в его зрении, но голос всё ещё говорил с ним, зыбкий, но настойчивый:

– Хорошо-хорошо. Я вас поняла. Может, острова?

Антон попробовал пожать плечами, но не знал, что получилось из этого на самом деле. Его взгляд пытался найти зеркало, чтобы понять, как он в данный момент выглядит и что делает, но пространство не выпускало его, запутывая в ярких пятнах реклам и карт на стене, косметики на лице сотрудницы агентства и надписи на обратной стороне монитора, в который она вглядывалась, пытаясь подобрать для Антона подходящий тур. Её глаза бегали вправо-влево, коготки стучали по клавиатуре и кнопкам мыши, и Антон вдруг подумал, что она похожа на ящерицу. Он даже представил себе раздвоенный язычок, который на секунду выскользнул наружу и вновь скрылся между белыми зубами. И Антону от этого стало немного легче, будто бы он разговаривал не с человеком, а с неким существом, которое жило только в его воображении.

– Вот, например, – сказала ящерица и, повернув монитор к Антону, продемонстрировала картинку, где по пустынному пляжу бежит одинокая худенькая девушка с тёмными мокрыми волосами, одетая в синий купальник. Её окружали пальмы, а горизонт был чист и светел.

Антон уцепился взглядом и вниманием за сайт. Он был реален и наполнен полезной информацией, которую можно было прочесть, усвоить и использовать. Информацию Антон любил.

– Неплохо, – сказал Антон. – Но не подойдёт. Во-первых, мне нужен вай-фай. Во-вторых, это дороговато. Если, конечно, тут цена за сутки указана. И девушку вот эту не надо.

Его собеседница рассмеялась:

– Не беспокойтесь, девушка не включена. А на какую сумму в целом вы рассчитываете?

Антон назвал число.

Ящерица погрустнела.

– За такие деньги даже не знаю, что вам предложить. Есть дешёвые курорты, но там точно много людей. Если только ехать туда, где сейчас уже мёртвый сезон...

Антон насторожился. Он откуда-то знал, что такое мёртвый сезон, и это словосочетание рождало у него только приятные ассоциации. Пустой пляж. Приятная прохлада. Чёрно-белый фильм. Старичок, идущий по тропинке к морю с элегантно тросточкой и размышляющий о превратностях судьбы.

– Так это же как раз то, что нужно, – сказал он. – Мёртвый сезон.

Туроператорша хмыкнула:

– Этого сколько угодно. В гостиницах пустых мест много. Только не гарантирую, что у вас получится позагорать.

– Ненавижу загорать, – отрезал Антон. – Что там у вас есть?

Дальше началась разная ненужная суэта, которую Антон старался делать автоматически и не задерживаться на ней вниманием. Он ехал домой, читая по дороге памятку туриста, собирал какие-то вещи, объяснял что-то родителям, вызывал на завтра такси, поскольку вылет оказался ранним, а потом пытался заснуть, и только закрывал глаза, как на него накатывала тяжёлая мрачная волна.

Таксист попался разговорчивый. Удивился маленькому чемоданчику, всё расспрашивал, куда Антон летит, подробности про курорт и отель, а Антон отвечал невпопад, поскольку толком ничего не запомнил. В аэропорту оказалось, что рейс перенесли, и Антон два часа кружил вокруг стоек регистрации, не зная, куда приткнуться, а вокруг него толпились люди. Они разговаривали, улыбались, обнимали друг друга и даже прижимались друг к другу губами, издавая при этом отвратительные звуки. Наконец регистрация началась, Антон нашёл свою стойку и пополз к ней, окружённый шумным скоплением полуголых потеющих тел.

– У вас только ручная кладь? – спросила девушка за стойкой, когда Антону, наконец, удалось до неё добраться.

– Не знаю, – честно ответил Антон.

Девушка приподнялась, бросила сердитый взгляд на его малюсенький чемоданчик и вернула паспорт вместе с посадочным талоном.

– А дальше куда? – спросил Антон.

– Паспортный контроль, навверх, – бросила девушка и занялась семейством, которое обступило Антона со всех сторон, прыгая и гогоча.

Отстояв ещё две очереди, чуть не потеряв после досмотра ботинки и ремень и сильно сбитый с толку просьбой вынуть из чемодана, раскрыть и включить ноутбук, Антон доплёлся до посадочных ворот и, не найдя сидячего места, прислонился к стенке. Вся эта затея с поездкой начинала казаться ему глупой. Он уже много часов находился в недружелюбной среде, буквально набитой чужими телами и взглядами, и конца этому не предвиделось.

Наконец объявили посадку. Оторвавшись от стены, Антон почувствовал, как затекли его нога, шея и щека. Ковыляя, он заставил пространство ехать навстречу, надевая на свою нелепую фигурку посадочный рукав-коридор. Стюардесса, глянув в его посадочный талон, махнула рукой вправо, и он двинулся по проходу, выискивая место 17E. Оно оказалось в центре группы

из трёх сидений, пока пустующих, и в голове Антона забрезжила надежда, что, возможно, его соседи не придут, и он проведёт полёт в относительном покое.

Он сел, кое-как засунул чемоданчик под сиденье впереди, тщательно пристегнулся и принялся разглядывать расположенную в кармашке перед ним картинку с несчастным человечком, который ползёт, задыхаясь, по задымлённому самолёту, пытаясь найти выход, обозначенный светящимся табло.

– Разрешите? – послышалось сверху. Антон вздрогнул и, подняв взгляд, увидел чудовищно толстого потного мужчину в белой футболке и шортах, который намеревался пройти к месту у окошка. Антон попытался встать, но забыл о ремне, и с первой попытки у него это не удалось.

– Да не надо, – отмахнулся незнакомец. – Я так пролезу.

Он закинул на полку небольшую сумочку и куртку, а сам стал протискиваться в узенькую щель между Антоном и креслом впереди, от чего колени Антона захрустели, а по его носу проехался потный дряблый живот. Следом за ним о ногу Антона стукнулся зажатый в правой руке толстяка тяжёлый пакет, из которого донеслось недвусмысленное позвякивание.

Незнакомец развернулся, разместился на своём сиденье, заметно потеснив Антона, опустил пакет на пол перед собой и, приблизив к соседу красное лицо, произнёс:

– Ну что, отрываться летим?

Лицо толстяка расплывалось в широкой довольной улыбке, обнажая щербатый рот, из которого пахло спиртом и гнилыми зубами, так что Антон сжался в маленькую точку и смог только промычать в ответ.

– Как зовут? – не унимался попутчик.

– Антон, – тихо выговорил Антон, хотя был уже не совсем в этом уверен. Ему хотелось только одного – вырваться отсюда, из самолёта, и он даже начал обдумывать последствия такого шага, хотя и не мог пошевелиться, придавленный к сиденью жирной потной тушей соседа.

– А меня Виктор, – обрадовался толстяк. – В первый раз туда?

Антон, кажется, кивнул.

– А я уже и не упомяну, – продолжил Виктор. – У меня как с женой нелады, я сразу на юга. Обычно с друзьями, но сейчас, вишь, не получилось. Заняты все. Да и не сезон, говорят. А мне-то что? Выпить всегда можно, я считаю. А как выпьешь, так уже наплевать на погоду. Да и дешевле сейчас.

Виктор достал из пакета пластиковый стаканчик и квадратную бутылку с коричневатой жидкостью – Антон предположил, что виски. Затем с хрустом открутил пробку и, плеснув немного на донышко, протянул Антону:

– За знакомство?

Антон отпрянул насколько мог, промямлив, что он не пьёт.

– Да это ж дутифри! – возмутился Виктор. – Точно не будешь?

Он опрокинул стаканчик в себя, поморщился и налил ещё.

– Не понимаю, – сказал он. – На халяву же. И что, совсем не пьёшь?

Антон, кажется, кивнул.

– Ну, ни фиги себе! – поразился Виктор. – А зачем тогда лететь?

Слева возникла ещё одна фигура – немолодая полная женщина в очках и платье с аляповатым малиново-голубым узором. Она, прищуриваясь, всматривалась в номера мест на потолке, сверяя их с посадочным талоном.

– Ничего не пойму, – проворчала она. – Это же 17 дэ?

Антон испуганно замотал головой.

– Да, – ответил Виктор. – 17D, садитесь.

Женщина опустила на своё место, придавив Антона ещё и с другой стороны.

– Фух! – сказала она, обмахиваясь паспортом. – Сдуреть можно, как людей изводят. То говорили, что рейс в восемь, то в полшестого, то в два. И на паспортном контроле какой бардак! Насилу без очереди пролезла.

– Да уж, – подтвердил Виктор и выпил ещё один стаканчик.

Антон попытался пошевелиться, поскольку с трудом дышал и хотел чуть освободить стиснутую грудь.

– Ой! – вскрикнула женщина. – Тут ещё, оказывается, какой-то мелкий сидит. А я и не разглядела. – Она взглянула сначала на Антона, затем на толстяка. – А что это вы пьёте, когда ещё не взлетели? Примета плохая.

– Да мочи уж нет, – сказал Виктор.

– Ну, налей уж и мне, – согласилась женщина. – Настродалась я сегодня. И каждый раз каким-то рентгеном светят. Я как представила, что все мои какашки им там видны, так мою душу чуть наизнанку прямо там у них не вывернуло.

– Да у меня стаканчик-то всего один, – пытался отвертеться Виктор.

– У меня тоже где-то был, – не растерялась женщина. Она порылась в сумочке и извлекла походный складной стаканчик с изящной крышечкой, разложила его и протянула Виктору.

– Ну, раз так, то пожалуйста, – согласился Виктор и, налив немного, поинтересовался: – А вас как зовут? Это я просто, чтобы сразу уж тогда и за знакомство. Меня Виктор.

– Кира Васильевна, – ответила женщина, ещё раз посмотрела на Антона, потом на Виктора. – А что же этому доходяге не наливаешь?

– Да не пьёт он, – ответил Виктор, закручивая пробочку и убирая бутылку в пакет.

– Что, совсем? – удивилась Кира Васильевна. – Чудеса! Ну, оно и видно – вон лядащий какой. – Она залпом выпила виски. – Эх, закусить бы! У вас нет ничего?

– Шоколадка только, – сказал Виктор.

– Ну, давай её сюда.

Антон видел, как над его коленями развернули и разломали шоколадку, осыпав коричневыми крошками джинсы. Тем временем стюардессы в проходах начали демонстрацию средств спасения.

– Херня это всё, – сказала Кира Васильевна. – Если мы как следует рухнем, то тут уж и косточек не собрать. А они говорят: «Наденьте маску сначала себе, потом дитю». Тут две секунды – и триста трупов.

– Это точно, – поддержал Виктор. – Помните, вот, в восьмидесятых мы сбили южнокорейский самолёт? Не пригодились ведь им маски.

И они начали вспоминать разные катастрофы и живописать ужасы, творящиеся с человеческими телами в их результате.

– Подлокотники опустите, пожалуйста, – сказала проходящая мимо стюардесса, проверяющая, у всех ли пристёгнуты ремни.

– Не получится, мадам, – весело ответил Виктор, похлопав по своему объёмистому пузу. – Уж поверьте моему опыту.

Антон боялся шевелиться, чтобы на него не обращали слишком много внимания, но тело уже порядком затекло, и он напрягал попеременно то одну, то другую мышцу, проверяя, что они всё ещё работают. За этим занятием он совершенно не заметил, как самолёт уже вывезли на взлётную полосу.

Антон, который и так-то не занимал много места, превратился практически в ничто из желания как можно меньше соприкоснуться с соседями и окружающей обстановкой. Взревел двигатель. Самолёт понёсся вперёд, и Антона вжало в спинку кресла. Через мгновение он почувствовал отрыв от земли.

Сердце забилося сильнее. Антону стало не по себе от того, что под ним уже не такая надёжная опора, как раньше, а всего лишь железка, несущаяся вперёд и вверх с дикой скоростью. Разносили леденцы. Антон хотел взять, но не смог извлечь из-под Виктора руку.

Кира Васильевна и Виктор чокнулись стаканчиками перед его носом, и Антон закрыл глаза. Он представил себе, что плывёт совершенно один по спокойному тёплому морю, и вокруг него нет ни души. Он медленно грёб руками и двигался вперёд так легко, что ему совершенно не требовалось на это сил. Вода обтекала его, словно лаская, массируя его тело. И тут море вдруг накренилось и начало крутой разворот, отчего Антону сдавило голову, и во рту стало противно. Он хотел открыть глаза и посмотреть, сколько сейчас времени, чтобы оценить, сколько осталось лететь, но понял, что вряд ли сможет посмотреть на часы в таких стеснённых обстоятельствах.

«Ничего, – подумал Антон. – Может быть, самолёт всё-таки упадёт в море, и тогда всё, наконец, закончится». Он не имел в виду смерть в прямом смысле, скорее просто новое состояние, в котором, возможно, будет больше покоя.

Он подвис на этой мысли и впал в полудрёму, из которой его вывела стюардесса, разносившая обед. Антон кое-как вытащил из-под Киры Васильевны руку и, приняв коробочку с едой, принялся её открывать. Скоро он приспособился к тесноте, отсутствию одной руки и летающим справа налево и наоборот фразам, стаканчикам и кускам закуски, которыми угощали друг друга новые знакомые. Антон умудрился разрезать пластмассовым ножом булочку и даже намазать её маслом. С чаем повезло меньше – Антон опрокинул его на себя. Было больно, но он ничем этого не показал.

– Совсем убогий, – прокомментировала раскрасневшаяся Кира Васильевна. – Хорошо хоть на меня не попал.

Сдав мусор и остатки еды стюардессе, Антон снова закрыл глаза и погрузился в воображаемое море. Скорее всего, надолго. Очнулся внезапно, словно от толчка. Самолёт находился на земле, двигаясь вслед за невидимым глазу тягачом. Кира Васильевна и Виктор уже стояли в проходе, продолжая разговаривать о чём-то отвратительном. Антон почувствовал, что свободен, и попытался отстегнуть ремень. Правая рука не шевелилась вовсе, левая – кое-как. Он отстегнулся, поднял с пола свой чемоданчик, на котором отпечатался след чьего-то ботинка, и попробовал встать.

Мышцы не хотели слушаться. Спина не разгибалась. Он, изображая собой вопросительный знак, встал возле кресла и дёргал то рукой, то ногой, стараясь размять затёкшие мышцы. Наконец ему это более или менее удалось. Самолёт резко остановился, и Антон, неуклюже взмахнув руками, упал, больно ударившись ребром о внезапно разложившийся столик.

Люди в проходе, вдоволь повозмущавшись внезапному торможению, начали движение на выход. Антон внезапно вспомнил о ноутбуке, испугавшись, что его мог раздавить тот, кто оставил след на чемоданчике. Он долго возился с замком, доставал ноутбук, тщательно разглядывал и вдруг понял, что остался последним пассажиром в самолёте. Схватив всё в охапку, он поспешил к выходу.

– До свидания, – сказала стюардесса, широко улыбаясь.

Антон отшатнулся от неё в ужасе и, споткнувшись, кубарем полетел с трапа вниз.

Кое-как поднявшись на ноги и убедившись, что в основном цел, он принялся собирать в чемодан рассыпавшееся барахло. На этот раз ноутбуку досталось – пластмасса на крышке дала хорошую трещину. Более тщательную проверку Антон оставил на потом, хотя уже готовился мысленно к худшему. Он вдруг понял, что совершенно не понимает, что делать дальше. Нужно было куда-то идти. Должно быть, туда, куда двигались удаляющиеся пассажиры его самолёта.

Антон как мог быстро зашагал следом. Солнце светило ярко, и Антон находил это излишним и неуместным. Наконец нагнав своих попутчиков уже в здании аэропорта, он пристроился

в хвост длинной очереди. Вокруг шумели и галдели на разных языках, сновали подозрительные люди и катались тележки с чемоданами. Незаметно для себя пройдя контроль, Антон с группой соотечественников приплёлся к стойке получения багажа. Он старательно пробивался к ленте, по которой ездили чемоданы. Его оттирали, но он упорно возвращался назад. Потратив на это занятие несколько минут, он вдруг осознал, что получать ему нечего.

Антону стало ещё более грустно, чем раньше. Он поплёлся наобум, миновал таможенную и оказался на улице, где стояла вереница туристических автобусов. На стекле одного из них он узнал эмблему своей турфирмы и направился к нему.

– Здравствуйте, – сказала Антону девушка в униформе агентства, самым заметным украшением которой был огромный платок, завязанный на шее неимоверно замысловатым образом. – Дайте, пожалуйста, ваш ваучер.

Слово «ваучер» у Антона ассоциировалось только с приватизационными чеками девяностых годов, с помощью которых государственная собственность загадочными и неведомыми путями перетекла в частные руки.

Он промышчал что-то, потом догадался, что речь идёт об одной из бумажек, которые ему выдали в агентстве и которые он вроде бы засунул в чемодан.

Он неосторожно раскрыл чемодан в воздухе, снова уронив на асфальт половину содержимого, покопался в кучке одежды и извлёк сначала одну бумажку, которая оказалась страховкой и была отвергнута сотрудницей турфирмы, потом другую – текст договора, и, наконец, злосчастный ваучер.

Пока Антон пытался упихать вещи на место и при этом не доломать ноутбук, девушка оторвала от ваучера солидный кусок, подала остаток Антону и попросила его пройти в автобус. Антон поднялся по ступенькам, покосился на мрачного смуглого и усатого водителя и, пройдя до середины салона, уселся на одно из мест.

Изначально практически пустой, автобус постепенно наполнялся людьми, всё более приводя Антона в состояние дискомфорта и напряжения. Скоро рядом с ним усадили маленького мальчика, который всё время вертелся и пытался через щель между спинками сидений пролезть к маме и братьям, сидевшим сзади. Антон как мог плотнее прижался к окну, обхватив руками чемоданчик, но ему постоянно доставались то удары маленьких ботиночек, то толчки в спинку сиденья от мальчишек, которые пытались успокоить младшего брата.

Где-то в хвосте автобуса образовалась компания пьяных шутников, которые без конца пытались острить и сами громко ржали над своими шутками.

Девушка-гид прошла по салону, пересчитав пассажиров, вернулась на своё место и объявила в микрофон:

– Здравствуйте! Меня зовут Катя. Добро пожаловать на нашу гостеприимную землю. Я буду вашим гидом на время трансфера до отелей. До первого отеля мы доедем примерно через полтора часа. В пути мы совершим одну остановку...

Антон смотрел в окно. Непривычный гористый пейзаж напоминал ему, что он в совершенно чужом месте, где не знает ни людей, ни законов, ни обычаев. Прямо напротив окна росла уродливая пальма, и от одного взгляда на неё Антону стало тоскливо. Он сдвинул её мысленно влево, с глаз долой. Автобус поехал.

– ... ни в коем случае нельзя пить воду из-под крана, – продолжала вещать Катя. – Я также предупреждаю вас, что лучше не покупать ничего в магазинах самостоятельно. Вы можете купить товар ненадлежащего качества по завышенной цене. Если вас интересуют какие-либо товары, закажите у ваших отельных гидов шоп-тур, и мы доставим вас в лучшие магазины, где продаётся только сертифицированная продукция...

– Это самые дорогие, что ли? – спросил пьяный голос сзади.

– За качество надо платить, – ответила Катя. – Будет жаль, если вы привезёте отсюда плохие воспоминания – если у вас, скажем, через неделю порвётся купленная куртка или с серёжек слезет позолота, и окажется, что они железные.

– А бухло по дороге можно будет купить? – поинтересовался тот же голос.

– Остановка будет примерно через час, – сказала Катя, обернувшись и поправив причудливый узел платка. – Вы сможете посетить санитарные комнаты и зайти в небольшой магазинчик, где есть сувениры и продукты. Также прошу вас хранить документы и ценные вещи в сейфе гостиницы. К сожалению, случаи воровства имеют место...

Юному соседу Антона удалось забраться на спинку кресла, но он тут же свалился обратно, больно ударив Антона по уху. Видимо, и самому ему досталось, поскольку после секундной паузы он громко заревел.

Подскочила мама, взяла ребёнка на руки и села рядом с Антоном, который старался не нервничать и продолжал смотреть в окно. Небо тем временем сильно потемнело, и впереди всё было сплошь затянуто тучами.

– Что-то пахнет от тебя, – сказала молодая мама. – Ты там не обкакался? – Она заглянула успокоившемуся малышу в памперс. – Точно, обкакался. Ну, давай переодеваться.

– Вам могут также попасться предложения экскурсий от местных фирм, – не останавливалась Катя. – Они, как правило, стоят чуть дешевле, чем те, которые предлагаем мы. Но если вы отправитесь на экскурсии сторонних фирм, вы будете вынуждены слушать гида, который не говорит по-русски, по пути вывихнете ногу или заразитесь гриппом, а наша страховка в этом случае не будет действовать. Кроме того, в те экскурсии, как правило, не включено посещение магазинов, обед и туалет, за всё придётся платить отдельно. Я уже не говорю о том, что зачастую вас повезут неквалифицированные водители на автобусе, где нет даже кондиционера...

– Катя! – крикнул пьяный голос сзади. – А вас как зовут?

Катя проигнорировала вопрос.

За окном внезапно начался сильный дождь. Поток воды буквально выплеснулся на стекло автобуса, размыл окружающий пейзаж и запузырился на асфальте. Мамаша рядом сняла с ребёнка памперс и принялась копаться в сумках, чтобы достать чистый. Грязный тем временем незамедлительно свалился с её колен, перевернулся и упал какашками на джинсы Антона.

– Ой! – запиричала мама. – Извините, пожалуйста, я сейчас вытру!

Она схватила влажную салфетку и принялась размазывать детскую неожиданность по штанине.

– Не надо, – пробормотал Антон и ещё сильнее прижался к стеклу.

– Катя! – крикнули сзади. – А что вы делаете сегодня вечером?

Плотный небритый мужик в бесформенной панаме, сидящий через проход справа от мамы с ребёнком, обернулся и подал зычный голос:

– Слышь, ты! Уймись уже.

– Чего ты сказал? – раздалось сзади. Раздался звон упавшей бутылки и пара матюков.

– Что слышал, – ответил мужик в панаме. – Выпили – ведите себя прилично.

– Ему ещё что-то не нравится! – возмутились сзади. – Вот тебе и всё включено!

Пара шатающихся фигур приблизились к мужику, и один из них, схватив его за руку, попытался стащить с сиденья. Мужик вскочил и оттолкнул обидчика, который тут же упал навзничь в проход:

– А ну угомонись!

– Паша, не надо! – жалобно пропищала соседка мужика в панаме.

– Вызовите полицию! – раздался откуда-то спереди зычный женский голос.

Антон уткнулся лбом в стекло и смотрел сквозь плотную стену дождя на тучу, которая заполняла собой небо. По туче пробежала быстрая, извилистая молния. Почти тут же раздался

гром. Сознание Антона представляло себя маленькую крупинку, которая спряталась внутри, стараясь быть невидимой, незаметной и никак не реагировать на внешний мир.

Остановку он прозевал, несмотря на то что она была затянута из-за разборок между пассажирами. Когда отъехали, он понял, что хочет в туалет, но дёргаться было уже поздно. Автобус мрачно двигался вперёд в полумраке, вызванном скорее обложившими небо тучами, чем временем суток. Вода разбегалась от него по асфальту, словно от корабля, рассекающего гладь моря. Ребёнок начал плакать, поскольку хотел спать, но не мог. Утихомирившаяся было пьяная компания сзади снова стала шуметь и петь песни, смысл которых до Антона не доходил. Гид Катя объявляла названия подъезжающих к автобусу отелей. Люди вылезали из автобуса, доставали из его брюха чемоданы и исчезали в стеклянных дверях. Антон думал о малой нужде.

– Молодой человек! – крикнула Катя, выводя его из оцепенения. – Ваш же отель! Никак не докричусь.

Антон в обнимку с чемоданом стал пролезать мимо мамы с ребёнком, который уснул, устроив голову у неё на плече, в очередной раз чуть не упал и кое-как выбрался из автобуса. Сверху на него обрушилась стена холодной воды. Растерявшись, он метнулся в одну сторону, потом в другую, потом заметил вход, возле которого, под козырьком, стоял смуглый сотрудник отеля в белой рубашке и брюках. Он что-то сказал, но Антон даже не понял, какой это был язык. Войдя внутрь, он слегка обомлел от обилия сверкающего мрамора, металла и стекла, но вспомнил, что здесь для него должен быть номер. Антон принялся искать глазами какие-нибудь указатели типа «Антону сюда», но взамен наткнулся взглядом на седого загорелого импозантного мужчину с усами, в белой рубашке и бабочке, который стоял за стойкой и слегка насмешливо рассматривал посетителя.

Антон осторожно приблизился на пару шагов, испуганно вспоминая, в какой стране он находится и какой здесь язык. Вспомнить не сумел, поэтому забормотал что-то вроде:

– Номер... Рум фор ми воз... Шуд би...

– Добро пожаловать, – сказал портье совершенно без акцента, – я понимаю по-русски. Ваш паспорт, пожалуйста. И анкету заполните.

После пары минут возни Антон извлёк паспорт и, отдав портье, принялся разбираться с анкетой. Накорябав имя, фамилию, номер мобильного и слово «Россия», он принялся рисовать загадочные каракули в остальных графах, поскольку смысла их не понимал.

– Этого достаточно, – прервал его портье. – Ваш номер – 761. Поскольку большинство отеля сейчас пустует, вам достаётся один из лучших номеров.

– Спасибо, – пробормотал Антон, приняв от портье какую-то карточку и пару бумажек.

– Сейфом будете пользоваться? – спросил портье.

Антон начал было лихорадочную мыслительную активность, чтобы понять, что такое сейф, нужен ли он ему и зачем, но тут же сдался, поскольку чувствовал себя полностью обессиленным:

– Нет. А вайфай тут есть?

– Да, – ответил портье. – Логин – номер вашего паспорта, пароль – номер комнаты.

– Угу, – сказал Антон, стараясь глядеть в стол. – А номер где?

– Вас проведут... проводят.

Подскочивший кудрявый и круглолицый молодой человек с блестящей светло-коричневой кожей попытался отобрать у Антона чемодан. Антон не позволил этого сделать, и пространство встало на его сторону, так что молодой человек чуть не упал от неожиданности.

– Мистер, – сказал он, словно извиняясь. – Помогать...

Лицо Антона, осунувшееся и хмурое, явно отвергало возможность помощи, и коридорный вынужден был уступить.

– Сюда, – сказал он и направился ко входу. Антон недоверчиво двинулся за ним. Выйдя на крыльцо, коридорный жестом указал на крохотную повозку с крышей:

– Плиз.

Антон уселся на мягкую скамеечку, продолжая прижимать к себе чемодан. Молодой человек занял место за рулём, и повозка рванулась под дождь. Капли летели вокруг Антона, обдавая его свежестью, но не задевая одежды. Повозка проскользила между несколькими причудливыми корпусами, взобралась в горку и остановилась у одной из дверей. Коридорный прыгнул со своего места и подошёл к двери:

– Плиз.

Антон приблизился.

– Ваш карточка, плиз, – сказал молодой человек.

Антон достал из кармана карточку-ключ. Коридорный вставил карточку в щель замка и открыл. Затем прошёл внутрь и продемонстрировал, как ту же карточку нужно вставлять в выключатель:

– Здесь стоять – свет гореть, – пояснил он.

Антон молча прошёл мимо него и осмотрел номер. Просторно. Большая двухместная кровать. Розетка присутствует.

– Телевизор, – показывал коридорный. – Кондиционер.

– Да, – сказал Антон. – Спасибо.

Коридорный смолк, но не торопился уходить, словно Антон его не отпускал. Антон первый раз в жизни был в отеле, но внезапно догадался шестым чувством, навеянным смутными воспоминаниями из книг и фильмов – нужно дать денег. Валюты у Антона не было. Он нашарил в кармане бумажные десять рублей и сунул в руку коридорного.

– Спасибо, – сказал тот и тут же удалился, захлопнув дверь.

Антон опустил чемодан на пол, щёлкнул выключателем и зашёл в туалет. Нависнув над унитазом, он долго и сосредоточенно осуществлял давно задуманное. Потом, пошатываясь, двинулся в комнату, по пути то ли сбросив с себя, то ли потеряв джинсы, а заодно выключив свет. Кровать приняла его упавшее тело в свою мягкую, удушающую плоть. Антон ещё долго возился, стаскивая рубашку, натягивая одеяло, а затем собирая его вокруг себя в плотный комок. Потом и сам он пытался сгруппироваться во что-то маленькое, уютное и незаметное, вроде клубка. В его голове пульсировала кровь, отбивая нечёткий ритм, в котором можно было угадать обрывки мыслей «Что я здесь делаю?» и «Зачем я всё это затеял?» Скоро темнота стиснула его со всех сторон и, почуяв это, Антон, наконец, затих.

2

Проснулся Антон совершенно не в той позе, в которой засыпал. Лёжа на спине, раскинув руки и ноги в разные стороны, он глядел в белый потолок и некоторое время вспоминал, как сюда попал. Вспомнив, сел на кровати и огляделся. Весь номер, отделанный преимущественно в нежно-голубых тонах, был залит ярким солнечным светом. Насколько видел Антон со своего места, небо, правда, было всё ещё покрыто тучками.

Первым делом он подошёл к чемодану, открыл его и достал ноутбук. Включил, проверил. Не считая повреждённой крышки, всё оказалось в порядке. Подобрал с пола брошенные штаны. Тёмное пятно от чая в паху и почти невидимый, но вонючий след на колене говорили, что джинсы нужно стирать. К счастью, Антон по какой-то нелепой предусмотрительности, совершенно несвойственной его характеру, взял с собой ещё одни штаны – из плотной серой ткани.

Надев их, он двинулся к балкону. Снаружи оказалось свежо. Вид открывался совершенно фантастический. Прямо перед ним располагались ряды корпусов песочного цвета, похожих на тот, в котором поселился он сам. Они сбегали ступенями вниз, к пляжу, а дальше начиналось огромное тёмное море. Оно шевелилось и дышало, как живое. Антон видел, как колыха-

лись волны на его поверхности, как набегали они на берег, вспениваясь белыми барашками, и рассыпались в ничто.

Антон огляделся. Справа и слева вздымались высокие грозные горы – тёмные, тяжело-весные, покрытые густой растительностью. Казалось, что путь отсюда только один – вперёд, в недружелюбные тёмные волны. Небо, нависающее над бухтой серым рваным пологом, усиливало ощущение этой обречённости.

Пляж, утыканный плетёными зонтиками, казался абсолютно безлюдным несмотря на то, что было довольно тепло. С моря дул приятный прохладный ветерок.

– Что ж, – сказал вслух Антон. – Похоже, всё не так уж и плохо.

Он подставил лицо ветру и закрыл глаза, стараясь расслабиться.

– Привет.

Антон подпрыгнул на месте от этого звука. Его буквально начало трясти. Он забежал в комнату и спешно захлопнул за собой дверь, успев разглядеть на соседнем балконе смутный образ темноволосой девушки, завернутой в лёгкую полупрозрачную тряпочку.

Он походил по номеру кругами. Потом рывком поднял с пола джинсы и метнулся в ванную. Схватил мыло, включил воду и принялся яростно, изо всех сил, отстирывать пятна.

– Привет, – буркнул он, выжимая штанины.

Джинсы выглядели чистыми, но мокрыми. Антону не хотелось больше выходить на балкон. Взяв штаны в руки, он вышел из ванной, потоптался, потом вернулся назад и принялся сушить их феном. Каждые пару минут фен выключался. Так продолжалось, пока Антон не устал. Он вернулся в комнату и разложил джинсы на спинке кресла. Расправил. Сам сел рядом.

Немного подумав, Антон встал, взял со стола бумажки, выданные вчера портье, и понял, что одна из них – расписание работы ресторана. Сейчас всё ещё шёл завтрак. Антон проанализировал свои ощущения и понял, что очень хочет есть. Он надел рубашку и ботинки, подошёл к двери и засомневался. Здесь, в комнате, можно было находиться в полном покое. Во всяком случае, если избегать балкона. Стоило ли отказываться от этого ради еды? Для Антона ответ был очевиден. Но он решил рискнуть.

Он вынул из паза в выключателе карточку, открыл дверь и убедился, что снаружи его никто не поджидает. Комната отъехала назад, захлопнув за ним дверь. Антон оказался в просторном дворе, между линиями корпусов. Он секунду колебался, куда идти, но решил, что еда должна быть где-нибудь неподалёку от портье, и повернул весь мир направо, чтобы идти в левую сторону.

Под ногами ощущалась приятная твёрдость каменной плитки. На улице было жарко, но не душно, поскольку Антон обдувал себя лёгким прохладным ветерком. Главный корпус быстро нашёл и приблизился вплотную, впустив Антона внутрь.

Портье располагался на месте. Антон обогнул его на максимальном расстоянии, попутно выискивая взглядом признаки еды. На одной из стеклянных дверей он заметил изображение дымящейся куриной ножки и понял, что ему туда.

Зал ресторана оказался огромным и напомнил Антону скелет доисторического чудовища, у которого между рёбер вставили большие сверкающие чистотой стёкла. Правда, похоже было, что не все столики обслуживаются. Только в дальнем конце зала виднелись белые скатерти и лежащие на них приборы. За одним из столиков сидела пожилая пара – лохматая седая старушка в бесформенном шёлковом балахоне и трясущийся старичок, который непрерывно шевелил густыми белыми бровями. Его тощие костлявые ноги торчали из огромных нелепых шорт, вызывая у Антона внутреннее содрогание – должно быть, от того, что он вообще не любил человеческие тела и, как следствие, откровенную наготу и прочие намёки на физиологию.

Антон заметил для себя столик – покрытый скатертью, но как можно дальше от стариков – и отправился знакомиться с ассортиментом еды.

Выбор оказался невелик. Скорее всего, готовить много блюд при малом количестве постояльцев было невыгодно. Антон просмотрел содержимое пары лотков и, поскольку не смог опознать, что это, положил себе на тарелку дрябловатые сосиски, сваренные в красном соусе, и кусок омлета. Затем нашёл стакан и налил слегка зеленоватой водички из краника, над которым было написано «Orange juice».

Он вернулся за столик и принялся есть – неторопливо и сосредоточенно. Еда к этому абсолютно не располагала. Сосиски оказались безвкусными, а в пересоленном омлете для чего-то присутствовала капуста, застывавшая у Антона между зубов.

– Привет ещё раз, – на стул напротив Антона опустилась смутно знакомая темноволосая девушка, держащая в руках две тарелки с большими порциями еды. – Не возражаете, если я присяду?

Антон возмущённо сглотнул, но не сразу подобрал слова.

– Есть же другие места... – выдавил он.

Девушка подняла брови.

– Ну, – сказала она, – во-первых, меня очень сильно интересует, почему вы от меня так резко и невежливо убежали. Во-вторых, мне скучно и хочется поговорить, а здесь абсолютно никого нет, кроме вас и пары старичков, которым, очевидно, хорошо и без меня.

Она сидела и смотрела на Антона, не мигая, очевидно, ожидая реакции. На этот раз Антон мог её разглядеть. Она была худой, пожалуй, даже склонной к анорексии. Лицо нельзя было назвать ни красивым, ни, напротив, уродливым, но в нём ощущалась некоторая интеллигентность. Губы были тонкими, подвижными, нос – острым, скулы – заметными. Карие глаза осматривали Антона оценивающе.

– Правда, есть ещё инвалид-немец, – добавила девушка. – Но он грубый и не говорит ни по-русски, ни по-английски.

Антон набрал воздуха и, склонив голову вперёд, выговорил:

– Извините, но я не хотел бы ни с кем общаться. Я приехал сюда побыть один.

Он наблюдал, как на щеках девушки к капиллярам прилила кровь. Губы дрогнули и выгнулись уголками вниз. Она молча встала и пересела за соседний столик.

Антон отрезал вилкой кусок омлета, положил в рот, пожевал. Запил соком, который оказался на вкус чем-то откровенно синтетическим, к счастью, сильно разбавленным водой. Есть больше не хотелось. Или, возможно, хотелось, но совсем не того, что стояло в тарелке перед ним. Он подумал, не стоит ли сходить ещё за какой-нибудь едой и посмотрел в сторону лотков, перед которыми как раз прохаживался сонный официант с мятым полотенцем на руке. Взгляд Антона уткнулся в девушку, которая сидела в паре метров от него и грустно ковырялась вилкой в тарелке. В нём шевельнулось странное желание подсесть к ней и извиниться. Подумав секунду, он встал и отправился в номер.

Там его ждал ноутбук. Раскрыв его и присев на край кровати, Антон обнаружил, что батарея близка к тому, чтобы окончательно сесть. Он извлёк из чемодана зарядное устройство и принялся искать розетку. Единственная, которую удалось найти, располагалась за тумбочкой, засунутой в тесный угол между кроватью, стеной и подоконником. Антон хотел выдвинуть тумбочку. Не получалось, поскольку мешал подоконник. Тогда он попробовал её приподнять, но то ли она была слишком тяжёлой, то ли Антон окончательно ослабел. Оставалось разве что подвинуть кровать, однако с противоположной стороны этому мешала другая тумбочка, а за ней стол. Антон вздохнул и принялся за работу. Минут через десять розетка оказалась доступной. Он уселся на кровать, взял ноутбук на колени и удовлетворённо отметил, что процент заряда батареи растёт. Открыв файл в редакторе, он погрузился в работу.

Он оторвался от экрана спустя пару часов. Сначала он не понял, отчего решил остановиться. Должно быть, причиной послужило некоторое внутреннее ощущение... Антон прислушался к себе. Да, точно. Это был голод. За завтраком ему поесть толком не удалось, так что теперь желудок требовал своего.

Антон проверил по карточке с расписанием, что обед вот-вот начнётся, убрал ноутбук и снова направился в ресторан. Там наблюдалась примерно та же картина, что и утром. Пара стариков сидела на своём месте, словно никуда и не уходили. Антон взял тарелку и подошёл к ряду лотков с едой. Растерянность его оказалась даже сильнее, чем во время завтрака. На этот раз не оказалось ни сосисок, ни омлета. Во всех лотках он видел только кучки незнакомой еды, представляющей смесь трудно различаемых компонентов.

– Подсказать? – раздался голос рядом.

Антон слегка качнулся в сторону, но, в целом, среагировал на удивление спокойно.

Та самая девушка, которая на этот раз держала в руке пока ещё пустую тарелку, стояла справа от него, одетая в длинную лёгкую юбку и нечто вроде майки с синими и оранжевыми полосками.

– Вот это рекомендую, – сказала она, указав на самый правый лоток. – Единственная вещь, которая мне здесь нравится.

Антон недоверчиво приблизился к лотку, склонился и потянул носом воздух.

– Я называю это «уши в сухарях», – пояснила девушка. – Похоже на свиные уши. Конечно, это не может быть свинина. Они свинину не едят, мусульмане же. Но что это на самом деле, не представляю.

Антон взял в руку ложку и осторожно наложил себе примерно половину тарелки. Блюдо представляло собой грудку румяной, обжаренной в панировке соломки, поблёскивающей жиром.

Он налил себе стакан «апельсинового сока» и сел за ближайший стол. Через несколько секунд девушка села напротив. Антон хотел было возразить, но поймал себя на том, что, в принципе, не сильно пострадает, если несколько минут побудет не вполне один.

– Вас как зовут? – спросила девушка.

– Антон, – ответил Антон, всё ещё раздумывая, как поступить.

– А меня Вика. Я бы хотела объяснить. Я попала сюда по глупости. У меня в жизни случились некоторые события, – она держала вилку в левой руке, а нож отложила на стол, чтобы жестикулировать, при этом пытаясь есть, – в результате которых мне захотелось отдохнуть, потусоваться... Короче говоря, я хотела сменить обстановку.

Антон попробовал соломку. Было вкусно. Он не очень понимал, зачем Вика рассказывает ему о себе, и слушал рассеянно, скорее потому, что проще было слушать, чем вступать в конфликт.

– И вот в турагентстве мне предложили горящую путёвку со скидкой. Я приехала сюда, совершенно отключив голову, но обнаружила, что здесь никого нет – ну, абсолютно. И тут появляетесь вы. Я совершенно не хочу мешать вам проводить время в одиночестве, если уж вам так хочется, просто мы могли бы найти какой-то компромисс... Мне сейчас нужен кто-то, с кем можно немного поговорить...

Она остановилась и нахмурилась.

– Я что-то не то говорю? – спросила Вика, взглядываясь в лицо Антона.

– Не знаю, – ответил Антон. – А что нужно говорить?

– Кому нужно? – уточнила Вика.

Антон промолчал.

– В принципе, здесь неплохо, – сказала она после небольшой паузы. – Я за пару дней всё уже тут излазила. Только на море шторм. Но всё-таки я уже искупалась. Холодно, но терпимо... Хорошо. Теперь вы. Вы чем занимаетесь?

Антон удивился.

– Уши ем, – ответил он.

Вика рассмеялась, обнажив огромное количество тоненьких острых белых зубов. Смех показался Антону немного обидным, но, как ни странно, не испугал.

– Я не об этом, – сказала Вика. – Вы работаете? Учитесь?

– Да, – ответил Антон.

– На кого?

– Программистом, – сказал Антон и слегка закашлялся, чуть не подавившись очередной порцией соломки.

– Понятно, – кивнула Вика. – А я сейчас нигде не работаю. Долго работала в банке, оформляла кредиты, но надоело. Вот, трачу последние накопления. Хочу пойти на курсы. Только ещё не решила, на курсы чего. Может, веб-дизайнера. Рисую неплохо. Я ещё не решила. А вы?

У Антона как раз кончилась еда. Он подумывал о том, не набрать ли ещё. Или, возможно, стоило взять что-то другое – возможно, фрукт или булочку.

– Я? – не понял Антон.

– Зачем сюда приехали? – уточнила Вика. – Как я понимаю, общение вас не интересует. Тогда зачем? Просто отдохнуть от людей?

Вопрос затронул в Антоне что-то глубоко внутри, что не хотелось показывать. Он засуетился и пробормотал что-то про булочку.

– Да-да, – согласилась Вика. – Я тоже хотела кофе налить. Правда, кофе у них дрянной, но совсем без него я не могу. Наверно, как вы без одиночества.

Через пару минут они вернулись за столик. Вика принесла целую тарелку булочек разного калибра и формы и чашку капучино, а Антон взял пирожное, похожее на запеканку с кремом. Впрочем, пока они отлучались, со стола исчезли приборы и стакан недопитого сока, так что Антону пришлось снова сходить за ложечкой и зеленоватым напитком.

– Вы не бойтесь, – сказала Вика, уплетая булочку. – Я не растолстею. Я хочу как раз, но не получается. Видимо, ускоренный обмен веществ. Жру за двоих, но все равно скелет скелетом. Так вы не ответили на вопрос.

Ела она изящно. Не манерничая и не стараясь рисоваться, но получалось всё равно красиво. Антон растерянно наблюдал за её тонкими пальцами, на ногтях которых блестел бесцветный лак. Булочки подлетали ко рту, откусывались зубками, а крошки с пухлых губ сметал розовый смешной язычок.

– Антон! – произнесла Вика. – Что молчите?

– А? – спросил Антон.

– Чем собираетесь здесь заниматься? Я не то чтобы навязываюсь, просто хочу понять, насколько могу рассчитывать на вашу компанию. Мы могли бы съездить куда-нибудь. Или просто погулять. Но я не хочу нарушать ваши планы.

– Нет, – сказал Антон. – Не надо. Мне время нужно.

Вика свела брови, чуть наклонила голову и внимательно смотрела на Антона, будто ждала продолжения. Антон начал есть пирожное.

– Хорошо, – сказала Вика. – Давайте договоримся. Как только вам нужно будет время или я вам надоем, только скажите – я оставлю вас в покое. Примем это за аксиому. Согласны?

Антон жевал пирожное и думал, что он вообще не любит сладкое. Особенно настолько сладкое. Но продолжал жевать.

– А для чего вы используете ваше время? – спросила Вика.

Антон набил себе полный рот, поднял вверх палец, призывая подождать, потом запил всё жидкостью из стакана, и, прожевав, сказал:

– Я закончил.

Он встал и направился в комнату.

3

В номере Антона ждал сюрприз. Кровать, аккуратно застеленную, украшали два бело-снежных лебедя из скрученных вафельных полотенец. Вся мебель, передвинутая им ранее для освобождения розетки, вернулась на свои места.

Антон внутренне сжался, чувствуя себя уязвимым от осознания того, что чужой человек может свободно зайти в его комнату, переставить вещи, дотронуться до его ноутбука...

Он шумно задышал, подскочил к чемодану, раскрыл его и убедился, что ноутбук на месте. Похоже было, что и всё остальное внутри чемодана осталось неприкосновенным. Он с отвращением взял одного из лебедей кончиками пальцев, встряхнул, расправляя полотенце, и отбросил в сторону. Поступив так же со вторым, он сел на кровать, немного подумал, потом посмотрел на часы. Время уходило. Он физически ощущал, как оно протекает мимо него безвозвратно, и он ничего не может с этим поделать. Разве что достать ноутбук и продолжить работу.

Снова сдвинув предметы интерьера по уже разработанному алгоритму, он подключил ноутбук к сети и раскрыл. Пока грузился редактор, перед мысленным взором Антона, прямо на бликующем экране, на мгновение мелькнули тонкие запястья, покрытые бледной кожей. Его странно поразила мысль о том, что таких рук не может существовать в природе. Они были слишком тонкими, слишком хрупкими, казалось, абсолютно лишёнными не только жира, но и мышц. И кожа – белая, гладкая кожа на запястьях – напоминала скорее пенку от варенья или нечто ещё более эфемерное, чем человеческую кожу.

– Бред какой-то, – пробормотал Антон, встряхнул головой и начал набирать текст.

Прошло какое-то время, прежде чем он понял, что совершенно не может сосредоточиться. Вроде бы слова складывались в осмысленные фразы, но говорили совершенно не о том, что было ему нужно. Антон на всякий случай скинул файл на сервер и отложил ноутбук.

Он лёг на кровать и полежал несколько минут, пытаясь решить, что делать дальше. Если бы он находился дома, то, скорее всего, проблему решила бы небольшая прогулка по безлюдным местам. Но здесь, в чужой стране, он не был уверен, что сможет решиться выйти за пределы отеля.

Антон встал и прошёл на балкон, надеясь, что свежий воздух сможет привести голову в порядок.

– Добрый вечер, – послышалось снизу.

По дорожке мимо корпуса шла Вика, одетая в синий купальник и обмотанная поверх него бессмысленной полупрозрачной тряпочкой. Антон нахмурился, но ничего не сказал.

– А я опять искупалась, – сказала Вика. – Но вообще холодно. А вы не сильно заняты сейчас? Я тогда зайду на минутку.

Антон не успел сформулировать ответ. В его дверь легонько постучали, и он автоматически открыл.

– О, прикольно, – сказала Вика, проходя мимо него в комнату. – У вас номер точно такой же, как мой, только в зеркальном отражении. И ещё у вас мебель подвинута. Понятно, до розетки добирались. Я бы такое не осилила. Я просто телевизор выдёргиваю и вместо него зарядку втыкаю.

Антону стало немного стыдно, что он сам до этого не додумался, и он от волнения сел на кровать.

– Так чем вы занимаетесь здесь, в номере? – спросила Вика. – Просто сидите в тишине?

Антон стал размышлять над ответом. Тем временем Вика подошла к ноутбуку и потрогала трещину на крышке пальцем.

– Бедненький, – сказала она. – Хорошая моделька. Я сначала хотела тоже Эйсер взять, почти такой же, но потом во мне гормоны выиграли, и я купила розовый Vaio. Двое суток ненужный софт вычищала. И я, кстати, тоже на него разок попой села. Но он не треснул, только заскрипел. Жалобно так...

– Нет, – сказал Антон. – Я книгу пишу.

Он и сам не понял, почему это произнёс. Сказав, немного испугался, но отступить было поздно, и он просто в очередной раз сжался в тугой комок, ожидая удара с неизвестной стороны.

– Ух ты, – сказала Вика, пытаясь заглянуть на экран. – Интересно. И о чём же?

Антон заволновался, захлопнул крышку ноутбука и пробормотал:

– Сложно объяснить...

– Я попробую понять, – сказала Вика, опускаясь на стул напротив того места, где сидел Антон.

Антон поднял глаза и встретился с ней взглядом. Глаза были глубокими, притягивающими. Они вроде бы просто представляли собой сферические фрагменты прозрачной живой ткани, призванной обеспечить оптическое преломление света для попадания на сетчатку, но в них чувствовались при этом внимание и живой интерес. Затем изображение с сетчатки по зрительному нерву должно было попасть в мозг. Осознание того факта, что у сидящего напротив существа в прозрачной тряпочке мог быть мозг, повергло Антона в дрожь.

– Я хочу изложить свою концепцию мира, – неуверенно промямлил он. – Свой взгляд на то, как мир устроен.

– Это типа как философский трактат? – повела бровью Вика.

– Нет, – ответил Антон. – Художественная книга. Про то, как главные герои постепенно понимают, что мир – не то, чем кажется.

– Это хорошо, – сказала Вика. – Простите, но я почему-то не думаю, что у вас получился бы хороший трактат. А роман – может быть. Так как, по-вашему, на самом деле устроен мир?

Антон чуть не сказал было «Сложно объяснить», но вспомнил, что он уже произносил эти слова, и ему стало жутко неуютно от этого.

– Я думаю, – сказал он, – что сознание на самом деле определяет материю. То, что мы чувствуем, создаёт мир вокруг нас.

– Ага, – кивнула Вика. – Этаким субъективный идеализм. Начитались Платона с его миром идей?

– Нет, – сразу среагировал Антон. – Вообще не читал.

– Зря, – заметила Вика. – В самом идеализме ведь нет ничего нового. Вы же понимаете, что человечество как раз с него и начинало? Все религии утверждают, что материя – не главное. Философы вроде того же Платона или Декарта, Кант, Гегель – все даже и не сомневались по-настоящему, что сознание первично. И только много позже материализм стал доминирующим. Так что нового в вашей концепции?

Антон молчал некоторое время, потом сказал тихо:

– То, что она моя.

Вика посмотрела на него серьёзно.

– Слушайте, мне правда хочется понять. Это интересно. Давайте я всё-таки схожу к себе, приму душ и переоденусь. Холодно. Я вам тут уже весь стул купальником намочила. Вернусь через пятнадцать минут, и мы как следует поговорим. Хорошо?

Антон подумал секунду.

– Хорошо.

Вика вышла.

Антон вскочил, заходил по комнате взволнованно.

– Да что же я никак объяснить-то не могу! – воскликнул он и вздрогнул от того, насколько гулко отозвались его слова в стенах комнаты.

Он сел на кровать и затих. Довольно скоро – пятнадцати минут явно не прошло – в дверь снова постучали, и вошла Вика, одетая в светлые узкие джинсы и жёлтую футболку с надписью «My secret summer love». Она хотела было сесть на тот же стул, но увидев на нём мокрое пятно, опустилась на кровать рядом с Антоном.

Поймав его взгляд, который был уставлен на то место на футболке, где выступали едва заметные бугорки груди, она улыбнулась:

– Не обращайте внимания. Я эту футболку по глупости перед поездкой купила. Так что всё-таки нового в вашей идее?

– Я не знаю, – сказал Антон. – Я не читал никаких философов. Я основываюсь на моём опыте и ощущениях. Но если кратко, я верю, что всё вокруг в некотором смысле живое. Вся материя на самом деле имеет своё восприятие мира. И каждая мельчайшая частица материи – это на самом деле и кусочек некоторого общего сознания.

– То есть материя думает? – уточнила Вика.

– В этом не уверен, – ответил Антон. – Наверно, думает не вся. Но чувствует. И представляет каким-то образом саму себя.

– Ну, допустим, – кивнула Вика. – А что это меняет, собственно? Ну, я вот, скажем, с деревьями тоже разговариваю иногда и думаю, что они могут меня слышать. Но ведь действовать они не могут.

– Могут, – возразил Антон. – Они представляют себе какую-то часть мира, которую могут воспринимать, и влияют на то, какой она будет в следующий момент.

– Значит, мир меняется под влиянием каждого дерева, животного, человека? Так? – уточнила Вика.

– Да, – подтвердил Антон. – Но не только. Предметы – тоже материя. Они тоже чувствуют и могут что-то осознавать.

– Довольно спорный момент, – сказала Вика. – Какой в этом смысл? Предметы никак не могут себя проявлять, в них нет свободы воли.

– Они созданы из тех же элементарных частиц, что и люди, – сказал Антон. – И я считаю, что сознание определяется не структурами, которые собраны из этих частиц, а является их неотделимой сущностью. Вы когда-нибудь задумывались о том, какая часть мира на самом деле материальна?

– Конечно, – ответила Вика. – Вы о том, что между молекулами – огромные расстояния, а сами атомы – практически пустые и состоят из кварков, которые сами по себе непонятно что? Да. Когда до меня это дошло, у меня тоже был некоторый шок. Вся Вселенная состоит по большей части из пустоты.

– Сознание – одно из свойств этой структурированной пустоты. Оно принимает разные формы, но остаётся сознанием. Вы же не будете отрицать, что кошки способны воспринимать окружающий мир?

– У кошек есть зрение, слух, обоняние, – не согласилась Вика. – Представьте себе, что у вас нет органов чувств. Будете вы что-то воспринимать?

Антон задумался.

– Что-то буду, – ответил он. – Осознание того, что я – это я, у меня останется. И я наверняка буду видеть сны, которые тоже информация.

– Я думаю, что человек, который с рождения лишён всех чувств, не сможет видеть снов, – сказала Вика и посмотрела вопросительно прямо в глаза Антона.

– Надо об этом подумать, – ушёл от ответа Антон. – Не уверен. Возможно, не будет зрительных образов, но что-то будет. В конце концов, это не так важно. Если даже предметы лишены каналов для входящей информации, сути дела это не меняет.

– Хорошо, – сказала Вика. – Предположим, что вы правы, и мир всё время меняется под влиянием нашего сознания. Кто определяет правила?

– Все вместе, – ответил Антон.

Вика наморщила лоб и некоторое время смотрела в стену.

– Если бы в мире существовало всего два человека и больше ничего, никаких предметов, – сказала она, наконец, – и у этих двоих было совершенно разное восприятие мира, то чьё восприятие реализовалось бы в реальности?

– Хороший вопрос, – заметил Антон. – Я думаю, суперпозиция их взглядов. Они бы взаимно влияли друг на друга. Я считаю, что мир каждое мгновение выстраивается заново, вместе с его прошлым и будущим. В какой-то миг один из этих двоих реализовал бы свои представления о мире, в следующий миг второй основывался бы уже на них. Ну, это упрощённо, конечно.

– А если бы один исчез, то всё было бы подчинено сознанию всего одного человека? – спросила Вика.

– Да, – согласился Антон. – Конечно, тот, первый, может остаться в воспоминаниях и как-то влиять, но может и не остаться.

Вика посидела и помолчала.

– Интересная теория, – сказала она. – В принципе, ничего особенно нового, но взгляд интересный. Не могу сказать, что согласна, я всё-таки скорее материалистка, но думаю, что такая концепция вполне себе полноценна и непротиворечива. Пишите свою книгу. Может быть, из этого что-то получится.

Она встала.

– Не буду вам мешать. Кстати, может быть, на «ты» перейдём? Мне было бы удобнее.

Антон пожал плечами.

– Хорошо.

– А у тебя есть какие-то законченные вещи? – спросила Вика. – Хотелось бы почитать.

– Пока только рассказы, – сказал Антон. – У меня не так много возможностей писать. Я их выложил все. У меня сайт есть. Могу адрес записать.

Он засуетился, соображая, есть ли у него ручка и бумажка, но Вика его остановила:

– Так скажи, я запомню. У меня память очень хорошая.

Антон продиктовал адрес.

– В конце Си или Ти-Эс? – уточнила Вика.

– Ти-Эс, – сказал Антон.

– Спасибо, посмотрю, – Вика двинулась к двери. – Я зайду, когда на ужин пойдём. Хотелось бы продолжить разговор.

– Хорошо, – сказал Антон.

Вика вышла и закрыла за собой дверь. Антон встал и, заложив руки за спину, прошёлся по номеру. Он по неизвестной причине стал чувствовать себя намного свободнее в этой комнате. Стены словно бы раздвинулись, стало легче дышать. Он взглянул в зеркало, поправил всклокоченные волосы, затем вернулся на кровать, раскрыл ноутбук и принялся писать.

Дело шло хорошо. Воображение Антона разыгралось. Сюжет усложнился, образы стали ярче. Антон радовался тому, что слова хорошо его слушались и выстраивались в сочные, неизбитые конструкции, которые легко и интересно было читать. Иногда он вскакивал, задумывался ненадолго, пытаясь разрешить возникшее противоречие, затем возвращался к работе. Он совершенно потерял счёт времени и не ощущал никаких физических потребностей. Он чувствовал себя хорошо.

В дверь постучали. Антон взглянул на часы и понял, что уже вечер.

– Можно? – в номер заглянула Вика. – Идёшь на ужин?

– Иду, – Антон убрал ноутбук в чемодан, и они вышли из номера. Снаружи было уже темно и довольно прохладно. Яркие звёзды покрывали всё небо.

– Вообще мне нравится здесь, – сказала Вика, задрвав голову и засунув руки в карманы. – Разбираешься в созвездиях?

– Нет, – ответил Антон. – Я вообще первый раз в жизни звёзды заметил.

Вика рассмеялась, но Антон совершенно не обиделся. Наоборот, ему тоже стало весело от этой своей невнимательности.

– Пошли, – сказала Вика. – А то холодно. Не догадалась я кофту надеть.

Они зашагали в сторону главного корпуса.

– А я прочитала один твой рассказ, – сказала она. – Про бутылку. Понравилось. Честно, не вру. Правда, понравилось. Язык необычный, а сама идея вообще супер.

– Что за рассказ про бутылку? – не понял Антон.

– Ну, когда бутылка очнулась на полу кухни и пыталась понять, кто она и почему здесь находится, – начала рассказывать Вика. – Потом увидела рядом бутылки, решила, что она – одна из них, и стала пытаться достичь высшего просветления. Она пыталась управлять миром, научилась летать, подлетела к зеркалу и поняла, что она – мужик, у которого с перепоя белая горячка. И потом он решает бросить пить, потому что теперь верит в свои силы. Раз, будучи бутылкой, смог научиться летать, то и это тоже сможет. Классно.

– Это старый, – улыбнулся Антон. – Я и забыл про него совсем.

– Здесь сядем опять? – Вика отодвинула тот же стул, что и в прошлый раз.

Антону было всё равно, и они пошли набирать еду. На этот раз аппетит его разыгрался, и он набрал в свою тарелку, кроме «ушей в сухарях», ещё кучу всего понемногу, чтобы попробовать.

– Как работа движется? – спросила Вика, когда они оказались за столом.

– Отлично, – сказал Антон. – Страниц тридцать сегодня написал. Ещё недельку – и закончу. Правда, я ещё толком не перечитывал. Наверняка надо будет править.

– Тридцать страниц – это круто, – сказала Вика. – Я читала, что у Стивена Кинга норма – восемь страниц в день. Он типа старается их писать независимо от желания и вдохновения. Не уверена, что это правильно. А если плохо получается?

– Да нет, – возразил Антон, жуя. – Он прав. Надо себя заставлять. Нельзя ждать вдохновения, иначе оно и не появится никогда. Плохое можно выкинуть потом или переделать. А если не пытаться, то ничего хорошего и не напишется. О! Вот это вкусный салатик.

– А не выпить ли нам немного за знакомство? – спросила Вика.

– Я, в принципе, не пью, – сказал Антон. – Пробовал, но как-то не почувствовал удовольствия. И потом – тут же вроде алкоголь платно. А у меня денег нет.

– Ну, ты даёшь, – покачала головой Вика. – Кто же едет на курорт без денег? А если понадобится что-нибудь? Но ты не волнуйся, я заплачу.

– Хорошо, – согласился Антон.

Вика повернулась в сторону лотков с едой, где прохаживался сонный официант – молодой морщинистый мужчина с усами – и помахала рукой. Тот встрепенулся и приблизился.

– Could you please bring us a bottle of dry red wine? – спросила она.

– Which one? – уточнил официант, очевидно, собираясь отойти за винной картой.

– No, – остановила его Вика. – Just select yourself. Something good but not too expensive.

– Ok, – сказал официант и удалился.

– А ты откуда вообще? – спросила Вика. – Из Москвы?

– Солнечногорск, – ответил Антон. – Это по Ленинградскому направлению часа полтора на электричке.

– Я знаю, – кивнула Вика. – Была там. Не очень понравилось.

– Да мне тоже не очень, – усмехнулся Антон.

Поднесли вино. Официант разлил его по бокалам, пожелал приятного аппетита и отошёл, пятясь с дурацкой улыбкой на губах.

– Ну что же, – сказала Вика, – выпьем за встречу. И за то, чтобы все знакомства оказывались настолько же приятными.

Они чокнулись. Вика чуть пригубила и отставила бокал. Антон выпил до дна, немного морщась.

– Кислое, – сказал он.

– Приятный вкус, – сказала Вика. – Таким и должно быть приличное красное вино.

– Ну, я не знаток, – согласился Антон. – А ты где живёшь?

– Вообще в Москве, – ответила Вика. – Пыталась жить у парня, недалеко от Москвы, но не сложилось, так что сейчас снова дома. Но у меня мировая мама, так что с ней неплохо, в общем.

– А я с родителями живу, сестрой и её мужем, – сказал Антон. – Квартира двухкомнатная, маленькая. Я там явно лишний. Отдыхаю в электричках по дороге на работу и обратно. Читаю, пытаюсь писать. Но люди сильно мешают.

– Ты типа ярко выраженный интроверт? – подвела итог Вика.

– Не люблю всяких названий, – отмахнулся Антон. – Все люди разные.

Вика взялась за бокал, но заметила, что у Антона пусто, и налила ему ещё.

– Теперь за что? – спросил он.

– За то, чтобы каждый находил для себя такое место, где ему хорошо, – сказала Вика.

– Хорошее пожелание, – согласился Антон, поднимая бокал и параллельно пытаясь языком выковырять из гнилого зуба застрявшую там крошку.

– Ты не глотай залпом, – посоветовала Вика. – Это же не водка. Распробуй. Когда перепробуешь много разных сортов, начнёшь ценить хорошие.

– Зачем? – не понял Антон.

– Чтобы удовольствия больше получать от жизни, – сказал Вика. – Кстати, можно тебя покритиковать?

Антон сделал пару глотков вина.

– Давай.

– Сайт у тебя совершенно ущербный. Нет, я понимаю, что содержание – это главное, но свёрстано криво.

– Да я знаю, – Антон отмахнулся. – Я его делал, просто чтобы научиться. А потом всё поправить было некогда. Я его использую только как хранилище для текстов, чтобы тем, кто интересуется, ссылки давать.

– И много кто интересуется? – спросила Вика.

– Никто, – ответил Антон и выпил ещё немного.

– Я могу сделать тебе сайт, – сказал Вика. – Я не специалист, но получится лучше, чем сейчас. Мне понравился твой стиль. Тебе надо как-то раскрутиться.

– Ну, вот напишу свою книжку, тогда попробую, – сказал Антон. – Таков был план, во всяком случае...

– Может, наоборот, тогда твой сайт поможет мне как веб-дизайнеру заработать репутацию, – улыбнулась Вика. – Ну, за сотрудничество?

Они чокнулись снова.

– Нет, в принципе, вкусно, – сказал Антон, допив бокал. – Но всё равно кислятина. Я больше «Пепси» люблю. И сок томатный.

Он умолк и опустил глаза, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя.

– Слушай, что-то я пьянею, – сказал он. – И мне это не нравится. Нехорошо как-то.

Он запрокинул голову, вдохнул воздуха.

– Извини. Я, наверно, в номер пойду. Спать лягу.

– Хорошо.

– Не обижайся.

– Да нет, конечно, – Вика взглянула на него слегка обеспокоенно. – Может, подождёшь, пока я расплачусь?

– Нет, – ответил Антон, вставая и с грохотом отодвигая стул. – Я дойду, не волнуйся.

Он двинулся в сторону номера, заметно покачиваясь, словно бы выпил не пару бокалов вина, а чего-нибудь покрепче.

Вика допила вино и налила себе ещё, глядя вслед удаляющейся нескладной фигуре.

4

Антон проснулся от того, что упал с кровати, больно ударившись головой о тумбочку. Спросонья отчего-то решил, что у него пропал ноутбук. Метнулся к чемодану, проверил. Потом, посмотрев, сколько времени, понял, что проспал завтрак. Умывшись и немного придя в себя, принялся за работу. Перечитав вчерашний фрагмент, остался доволен и присовокупил к нему пару страниц. Задумался над заковыристым поворотом сюжета, но тут постучали в дверь.

– Привет, – сказала Вика, заходя внутрь. – С тобой всё в порядке? Я достучаться не могла утром.

– Привет, – ответил Антон. – Всё нормально. Спал просто. Уже обед?

– Да. Пошли?

– Пошли.

По дороге к ресторану Антон вдруг отметил, что держит Вику за руку. Это его слегка удивило, но не расстроило.

– Ты извини меня за вчерашнее, – сказал он. – Мне, правда, стало плохо. Я несколько раз пытался пить раньше, но на меня алкоголь странно действует.

– Да не за что тут извиняться, – ответила Вика. – Это я зря тебя уговорила пить, когда ты не хотел.

– Ты же не знала. Я вечно не могу толком объяснить другим людям, чего хочу.

– Может, надо больше тренироваться? – улыбнулась Вика.

– Может, – согласился Антон. Он стоял с тарелкой в руках возле лотков с едой и разглядывал её с нескрываемым отвращением. – Что-то я не очень и есть-то хочу.

– Лучше попробуй, – посоветовала Вика. – Токсины быстрее выйдут.

Антон послушно наложил себе немного «ушек», взял булочку и стакан воды.

– Как книга движется? – спросила Вика.

– Потихоньку, – ответил Антон. – Сегодня хуже голова работает. Надо освежиться как-то.

– А не хочешь искупаться после обеда? Правда, вода холодная, но волн почти нет.

– Я плавать не умею, – признался Антон. – И потом, плавок у меня нет.

– Ну, это проблемы небольшие, – сказала Вика, отставляя в сторону свою чашку кофе. – А я люблю решать проблемы.

Очень скоро Вика тащила его к выходу с территории отеля. Антон робел, но подчинялся. Добравшись до пёстрого ряда магазинчиков, возле которых сустились пугающие Антона жестикулирующие местные жители, Вика отпустила его и направилась к ближайшему продавцу. Что-то объяснив на смеси языков, продемонстрировала на себе то место, куда обычно надевают плавки, показала в сторону Антона. Продавец закивал, скрылся внутри магазинчика и появился с ворохом плавок в руках.

– Какие взять? – крикнула Вика Антону, не решающемуся приблизиться.

Антон пожал плечами и отвернулся.

Через минуту Вика подошла к нему, продемонстрировав чёрные плавки с тонкими красными полосками по бокам:

– Такие сойдут? Держи. Я договорилась, если что, поменять.

Они двинулись в сторону отеля.

– С этой твоей человекобоязнью нужно что-то делать, – вздохнула Вика. – Но ты не волнуйся, я понимаю, что это проблема сложнее, чем отсутствие плавок. Я не сторонник теории, что учить плавать надо, швыряя в воду. Не все же выплывут... Ладно. Переодевайся. Встречаемся у тебя через пять минут.

Едва Антон застегнул штаны, Вика в купальнике и всё той же полупрозрачной тряпочке заглянула к нему в номер:

– Пошли.

Вопреки заявлениям Вики, волны всё-таки оказались довольно приличными. Антон глядел на море недоверчиво и явно не хотел туда лезть.

– Раздевайся, – приказала Вика, развязывая свою тряпочку.

Антон стащил с себя футболку, сбросил ботинки и принялся стаскивать штаны.

– Кошмар какой, – сказала Вика. – Да ты доходяга почище меня. Ты бы хоть подкачался, что ли, немного.

– Зачем? – уточнил Антон.

– Ладно, – не стала объяснять Вика. – Заходи в воду.

Она сама зашла по пояс, присела, окатив себя водой.

– Ух! – сказала она. – Ничего. Уже не такая холодная, как утром. Ну, иди, иди, чего ждёшь?

Антон робко шагнул в воду и словно бы обжёгся, отдёргнув ногу.

– Холодно же, – сказал он.

– Ты хочешь научиться плавать или нет?

Антон не был уверен, но всё-таки двинулся вперёд. Как только его новые плавки коснулись воды, он начал мелко дрожать, стуча зубами.

– Зайди чуть глубже, – посоветовала Вика. – Теплее будет. Присядь и в воде подвигайся.

Антону казалось, что он сейчас упадёт в обморок от холода, а ещё больше от собственных переживаний, однако он подчинился – скорее, автоматически. Присел, задёргал руками. Дрожь отступила.

– Теперь попробуй как я, – сказала Вика.

Она опрокинулась на спину, раздвинув в стороны руки и ноги. Часть лица осталась на поверхности, а тело погрузилось, но держалось на плаву.

– Попробуй, – сказала Вика, стараясь не глотнуть воды. – Почувствуй, как вода держит.

Она встала, отряхнула волосы и выжидающе посмотрела на Антона.

Он так же лёг на спину, раскинув все конечности, и медленно пошёл ко дну. Вика ухватила его за шею и выдернула из воды. Антон кое-как встал на ноги и, ошалело сплёвывая воду, двинулся к берегу.

– Постой! – крикнула Вика.

– Нет, – сказал Антон. – Прости. Не могу.

Она последовала за ним. Принялась обтирать его своим полотенцем – дрожащего, жалкого, с лицом, облепленным мокрыми, похожими на водоросли волосами.

– Да уж, – сказала Вика. – Тяжёлый случай. Похоже, в тебе вообще ничего нет, кроме костей и нервов. Хотя, в принципе, если ты воздуха наберёшь, то всё равно наверняка...

– Давай в другой раз, – перебил Антон мрачно, садясь прямо на песок.

– Хорошо, – сдалась Вика.

– Давай просто посидим, – предложил Антон.

И они сидели, глядя на мрачное серое море, которое накатывало свои волны на берег одну за другой. Антон смотрел вдаль, на горизонт, хотя там, собственно, ничего не было видно, кроме самого горизонта – тонкой линии, разграничивающей тучи и море.

– Знаешь, что я думаю? – заговорила Вика, обтираясь и наматывая на себя тряпочку. – Я думаю, что ты так веришь в первичность сознания как раз из-за твоих проблем с коммуникацией. Ты ограничен в своём влиянии на мир, и твоя теория – защитная реакция. Тебе хочется верить, что ты своими мыслями можешь на что-то влиять.

Антон повернул к ней лицо.

– Возможно, – сказал он. – Но какая разница, почему я к этому пришёл? Ведь теория-то верная. Я в это не верю, я знаю. Во всяком случае, убеждён.

– Как ты можешь это знать? – не поняла Вика. – С точки зрения внешнего наблюдателя выглядит всё одинаково независимо от того, первично сознание или нет.

– Не совсем, – возразил Антон. – Есть много практических следствий, которые можно проверить. Например, можно в своей голове научиться выстраивать образы так, чтобы они влияли на мир определённым образом.

– И ты можешь это продемонстрировать? – спросила Вика.

– Это не очень легко, – сказал Антон. – И нужно время. Но, в принципе, могу. Кроме того, я могу тебе рассказать, как я к этому пришёл, и ты сможешь сама убедиться.

– Да, было бы здорово, – подтвердила Вика, подсаживаясь рядом.

– Попробуй провести следующий эксперимент, – сказал Антон. – Спланируй некоторое действие, достаточно сложное. Например, поездку или какое-то мероприятие, в котором ты играешь важную роль. Чтобы для других это было менее важно. И напиши о своём плане рассказ, художественный. Талант здесь не важен, важнее фантазия и внимание к деталям. Опиши, как всё это будет, в подробностях. А через некоторое время этот план осуществи.

– И что? – не поняла Вика. – Ты хочешь сказать, что всё будет именно так, как я спланирую? Так это же от меня зависит.

– Нет, – Антон покачал головой. – Скорее всего, получится всё совсем не так. Но не это важно. Попробуй – ты будешь сильно поражена.

– Чем?

– В твоём реальном событии будут всплывать очень странные совпадения с твоим рассказом. В основном в мелких деталях, но они будут удивительными, а иногда пугающими. Скажем, напишешь ты, когда твоя фантазия разыграется, что в твоём путешествии тебя будет сопровождать дрессированный лев. А на самом деле какой-нибудь человек по имени Лев встретит тебя в подворотне и побьёт. Или напишешь ты, что испачкала брюки шоколадом – на самом деле испачкаешь, к примеру, кашками.

– Да это же ничего абсолютно не значит, – сказала Вика. – Во-первых, это просто совпадения. Во-вторых, если у тебя в голове какая-то теория, то ты подсознательно ищешь признаки, её подтверждающие.

– Ты сама попробуй, – сказал Антон. – Потом возражай.

Вика подняла какую-то палочку и принялась ковыряться в песке.

– Ну, хорошо, – сказала она. – Спорить не буду.

– Я знаю, что всё имеет разные толкования, – заметил Антон. – И, если бы я сказал, что от моего настроения зависит погода, ты бы возразила, что всё наоборот. Только вот в последнее время очень часто у меня плохое настроение. Наверно, климат Земли портится, да?

Он улыбнулся. Вика тоже.

– А у тебя, оказывается, и чувство юмора есть, – сказала Вика и провела пальцем по его рёбрам. – Но всё равно ты доходяга.

– От доходяги слышу.

Они засмеялись.

– Ладно, пошли по домам, – сказала Вика. – А то я тебя от работы отрываю.

– Пошли.

Они побрели в сторону корпуса.

– Что-то ноги совсем не идут, – пожаловалась Вика. – От песка, что ли.

Антон усилием воли двинул корпус навстречу и стал поворачивать обратной стороной.

– Ну вот, – подтвердила Вика. – По плитке идти – совсем другое дело.

Они разошлись по комнатам, где Антоном снова завладела неоконченная книга. Он писал яростно, упорно, принимая решения, важные для сюжета, легко и без сомнений. Наконец, дописав до конца очередной главы, посмотрел на часы и забеспокоился. Обычно в это время Вика уже стучала в дверь. Он встал, походил по комнате и с совершенно неожиданной для себя смелостью решил за Викой зайти. Он вышел на улицу, помялся пару секунд и занёс руку над дверью соседнего номера, чтобы постучать. Дверь распахнулась.

– Ой, – сказала Вика. – Ты меня напугал. Ты что это?

– Мне показалось, – Антон снова с трудом подбирал слова, – что ты подозрительно задерживаешься...

– Почему же подозрительно? – рассмеялась Вика. – Просто решила немного вещи свои привести в порядок и закопалась. Пошли.

Она захлопнула дверь и вспомнила:

– Чёрт. Надо же утюг на ресепшн вернуть. Сейчас.

Она вновь зашла в свой номер и вернулась уже с утюгом в руке.

– Ты не понесёшь? Какой-то он у них тяжеленный.

Антон взял выдавший виды утюг с ручкой, перемотанной драной изолентой, и почувствовал, что он действительно чересчур тяжёлый. Пока дошли до главного корпуса, Антон порядком устал. Там Вика забрала у него утюг и отдала седому портю. Тот посмотрел на них, и в глазах его плясала непонятная для Антона хитринка.

В ресторане, набрав в очередной раз еды, они сели друг напротив друга.

– Как твоя книга? – спросила Вика.

– Очень хорошо, – ответил Антон. – Идёт быстрее, чем планировал. Кстати, разговоры с тобой помогли мне немного лучше понять, как всё на самом деле работает. Я даже поправил пару старых кусков, где всё довольно смутно объяснялось.

– Молодец. У тебя хоть есть чем заняться. А я всё больше скучаю.

Антон посмотрел на неё, отложил вилку с ножом и, немного волнуясь, сказал:

– Знаешь, ты не такая, как все. Не могу объяснить. Я вообще очень долго схожусь с людьми. Даже рядом находиться не могу, а уж тем более разговаривать. Я к своей сестре лет пятнадцать привыкал. А к мужу её до сих пор не могу привыкнуть. Он... шумный слишком. А с тобой не так всё. Такое чувство, что я тебя всегда знал. Как будто мы с тобой давно знакомы, и я тебе что угодно могу сказать. Вот.

Он снова взял в руки вилку и нож и продолжил есть.

– Спасибо, – сказал Вика, улыбнувшись. – Очень приятно такое слышать. Можно, я честно скажу?

– Угу, – ответил Антон, чуть не выронив изо рта кусок еды.

– Вообще-то ты полный шизик. И в некоторых вещах тебе явно нужно над собой поработать. Но ты мне нравишься. Прикольный, неглупый. Необычный.

Она помолчала, словно бы ожидала ответной реакции Антона, но он просто ел.

– Чем вечером займёшься? – спросила Вика. – Может, сходим куда? Я, правда, совсем не в курсе, что здесь есть поблизости.

– Нет, – сказал Антон. – Не надо. Там люди.

– Тогда я к тебе зайду, ладно? Минут через двадцать.

– Хорошо.

Они направились обратно в номера. Антон почувствовал, как Вика ухватила его под локоть, но не возражал. Наверно, ей было так удобнее.

Он зашёл к себе, снова достал ноутбук. Полистал набранный текст, порадовался некоторым удачным фрагментам. Возникли кое-какие идеи насчёт продолжения.

В дверь постучали. Вошла Вика. Это точно была она, но какая-то совсем другая, незнакомая. Неестественно яркие губы, бледноватое лицо, вокруг глаз – сине-зелёные разводы. На ней было чёрно-белое короткое платье с расширяющейся книзу юбкой, из-под которой высывалась другая, тонкая прозрачная ткань. Ноги Вики сменили цвет на тёмно-коричневый и странно блестели. Ростом она стала заметно выше благодаря чёрным туфлям на высоких каблуках. Волосы стали жёстче и странно переливались в свете лампы.

– Можно? – сказала она.

– Да, – ответил после некоторой паузы Антон, хотя Вика, собственно, уже вошла и села рядом с ним на кровать. Её платье пугающе зашуршало. В нос Антону бросился запах чего-то вроде травы или цветов. Он сразу вспомнил свою старшую сестру, которая иногда пахла очень похоже.

– Чем занимаешься? – спросила Вика.

– Читаю, – ответил Антон.

– А можешь прочесть мне кусок? – поинтересовалась Вика, и её голос Антону не понравился.

– Нет, извини, – выдавил он из себя. – Я по опыту знаю... Если кому-то прочесть, пока не готово, потом писать уже не хочется. Тяжело.

Он сложил ноутбук и положил на тумбочку.

– Ладно, – сказала Вика. Немного подумала и спросила: – А в этой твоей концепции люди чем-то отличаются от остальных предметов и животных?

– Ну да, конечно, – ответил Антон. – Предметы вообще как бы всё время спят. А животные чувствуют и всё воспринимают помимо своей воли и, видимо, проще, чем мы. Человек думает, принимает решения, и он может управлять содержимым своего сознания, а, следовательно, и мира... До некоторых пределов...

Вика подвинулась к нему вплотную, и её нога, обтянутая тёмно-коричневыми колготками, прижалась к его колену. Её дыхание тоже изменилось, стало неровным. Красные губы зашевелились снова:

– А мужчины, по-твоему, в смысле воздействия на мир, отличаются чем-то от женщин?

– Не знаю, – пробормотал Антон. – Никогда об этом не думал...

Её лицо было очень близко, в нескольких сантиметрах, и Антон явно почувствовал исходящую от неё угрозу. Ещё пару секунд он не понимал, что происходит, но потом снизошло озарение.

Он резко покраснел, да так сильно, что почувствовал, как горят кончики его ушей. Вся комната в его глазах расплылась, а сидящее рядом существо представилось чудовищем, у которого внизу живота открывалась глубокая пылающая бездна, которая норвила его засосать.

Антон подумал, что всё было спланировано. И попытки познакомиться с ним в ресторане, и разговоры о философии, и попытки решить его проблемы – всё было ради этого.

– И уши, – пробормотал он, – в сухарях...

– Что? – переспросила Вика.

Бездна надвигалась, и он не мог придумать, чем обороняться. Поблизости не было ни палки, ни чего-нибудь тяжёлого. Разве что ноутбук... Но тут он услышал, как из его рта сами вылетают спасительные слова:

– Вика, извини... Я хотел бы немного поработать... Ладно?

В воздухе зависла пауза.

– Да, конечно, – услышал Антон. – Хорошо.

Платье снова зашуршало, хлопнула дверь.

5

Вика проснулась от того, что в окно било яркое солнце. Она оттолкнула в сторону одеяло, которое почему-то обхватывала во сне ногами и руками, и поднялась. В зеркале отражалось нечто страшное. По лицу размазалась плохо смытая вчера тушь, а покрытые лаком волосы слиплись в корку, напоминающую по форме гриб от подземного ядерного взрыва.

Вика завернулась в парео и подошла к окну. Солнце жарило нещадно. Волн на море вроде бы не было.

– Сколько же сейчас времени? – пробормотала она.

Нашла мобильник под стулом, убедилась, что до конца завтрака ещё полчаса, и отправилась в душ. Просушив волосы, одевшись в джинсы, майку и кроссовки, вышла из комнаты.

Она постучала в дверь номера Антона, но никто не отозвался. Должно быть, он не смог её разбудить и ушёл на завтрак один. Или, возможно, как-то по-своему реагировал на вчерашнее и прятался.

Вика, ещё не вполне проснувшись, шла к ресторану и замечала, что вокруг прибавилось людей. В ресторане тоже произошли некоторые изменения. Лотков стало больше, а над ними появились таблички с названиями. Вика приблизилась к своим любимым «ушкам» и прочитала надпись, из которой следовало, что это соевое мясо.

Она поела без особого аппетита и направилась в номер, намереваясь поскорее переодеться и пойти на пляж, пока погода это позволяла. Проходя мимо двери Антона, вдруг сообразила, что в ресторане его не встретила, и ощутила смутное беспокойство. Постучала, но снова ответом была тишина.

Немного поколебавшись, она развернулась и пошла в сторону ресепшна. Седой портье стоял за стойкой и перекладывал скрытые от её глаз бумажки.

– Извините, – сказала Вика. – А вы не знаете случайно, молодой человек из соседнего номера, семьсот шестьдесят один... С ним ничего не случилось?

– Он уехал, – ответил портье. – Вчера вечером.

– Уехал? – удивилась Вика. – Так быстро? Вроде бы он собирался ещё долго здесь быть...

– Да, – сказал портье. – И честно говорить, всё было чуть странно. Он пришёл, попросил телефон и стал звонить своему агенту. Просил уехать раньше. Потом сказал: «Спасибо», ушёл и вернулся с чемоданом. Потом долго стоял около выхода и небо смотрел. Я хотел его остановить, поговорить, но проверил, что он ничего не должен, ничем не пользовался, и не стал. Он был плохой настроение.

– Значит, уехал? – переспросила Вика.

– Я думаю, да, – ответил портье. – Я не следил. Кажется, кто-то подъезжало.

Вика вздохнула.

– Ну вот, – прошептала она. – Не дала человеку отдохнуть спокойно.

Она хотела уже отойти от стойки, но услышала чей-то бодрый голос:

– Здравствуйте!

Относилось это не к ней, а к портье, но она тоже обратила внимание на говорившего. Это был высокий крепкий парень в чёрной майке и жёлтых шортах с нарисованными пальмами. Он держал за ручку огромный чемодан на колёсиках, а на плече висела спортивная сумка. Несмотря на то, что он явно только приехал, кожа его была слегка загорелой. Длинные густые чёрные волосы были зачёсаны назад, смазаны гелем и благоухали.

Заметив, что Вика смотрит на него, парень широко улыбнулся и произнёс:

– И вам здравствуйте. Вы тоже из России?

– Да, – ответила Вика, слегка засмутившись.

– Как вас зовут? Меня Кирилл. Да, пожалуйста, – последнее относилось к портье, который забрал у Кирилла паспорт и ваучер.

– Виктория, – ответила Вика.

– Вам ещё долго здесь? – уточнил Кирилл. – Потому что я бы не отказался от компании.

– Я бы тоже, – обрадовалась Вика. – Мне ещё десять дней.

– Отлично, – сказал Кирилл, принимая от портье ключ. – Давайте я заселюсь, зайду к вам, и мы решим, куда после обеда пойти. У вас какой номер?

– Семьсот шестьдесят. Только тут, мне кажется, мало куда можно пойти, – засомневалась Вика. – Мёртвый сезон.

– Да вы что! – возмутился Кирилл. – Это же вам не Турция какая-нибудь. Здесь классно круглый год. Я вам покажу такие места! Я тут каждый год минимум по разу бываю. Ну, увидимся...

И он поспешил за коридорным, который уже катил куда-то его чемодан.

Слегка ошарашенная Вика зашагала к номеру. Зашла внутрь. Вспомнила, что хотела что-то посмотреть в Интернете. Зайти на какой-то сайт.

Достала планшет, подключилась к сети. Не смогла вспомнить. Полезла в историю браузера, но та оказалась отчего-то совершенно чиста.

– Ладно, – пробормотала Вика. – Скорее всего, ерунда какая-нибудь. Вспомню потом.

Она вышла на балкон. Весёлое солнышко освещало склоны гор и рассыпало искры по поверхности воды. пляж был забит людьми. Они загорали, флиртовали, купались и играли в мяч. Море было спокойным, умиротворяющим и удовлетворённым.

Вика не могла видеть этого с балкона, но вдали, у серых камней, спускающихся к самой воде, валялся небольшой потёртый чемоданчик с отпечатком чьего-то ботинка на крышке.

Июнь – октябрь 2014,

Мытищи-Москва-Лимассол

Полёт фантазии

Виски давило всё сильнее. Павел оторвал взгляд от монитора, покрутил головой, ощущая сильный хруст в шее, резко отодвинул кресло от стола. Колёсико зацепилось за ремень сумки, брошенной на пол давно, с утра, и застряло. Павел чертыхнулся, выдрал с усилием ремень, задвинул сумку глубже под стол.

– Марина! – крикнул он через комнату. – Подойди.

Он сел, вновь сосредоточил внимание на мониторе, облепленном разноцветными записками. Марина встала напротив, расплывчатая, пахнущая цветами и искусственным шёлком.

– Я посмотрел твой материал, – сказал Павел. – Не годится. Вот тут, например.

Он ткнул пальцем в монитор, потом понял, что Марина с той стороны не видит, забеспокоился, стал двигать. Она зашла сбоку, нагнулась, закачала локонами возле его носа.

– Вот эта фраза, – продолжил Павел. – «Нет картины более жалкой, чем женщина, которая отращивает волосы».

– Ну да, – сказала Марина. – И что?

– Нет более жалкой? – спросил Павел. – А ты когда-нибудь видела, как котёнка бульдозером давит?

Марина отшатнулась, захлопав ресницами.

– Бросаешься словами, – сказал Павел. – И там много такого. Вот тут ещё. «Средства по уходу должны вселять уверенность в завтрашнем дне». Почему «должны»? Что за словесный мусор?

– Заказчик одобрил, – буркнула Марина обиженно.

– Ну и плохо, – сказал Павел. – Нам нужно свою марку держать. Не использовать штампы. Нужно заказчика лучше делать, вверх тянуть, а не он нас вниз. Переделай.

– Так послезавтра в печать, – возразила Марина.

– Ну, хотя бы самые банальные фразы убери, – сказал Павел. – Прояви фантазию. Успеешь. Хорошо?

Он попытался заглянуть Марине в глаза, но она уже отворачивалась.

– Хорошо, – недовольно ответила она, и добавила что-то тихо, почти про себя, уже удаляясь.

Павел примерил на себя обидное слово, которое ему послышалось, поморщился, но промолчал. Попытался поправить повёрнутый монитор. Уронил со стола клавиатуру, которая повисла, закачавшись на проводе, слева от колен. Резко заголосил телефон, где-то под бумагами. Павел сдвинул пачку, извлёк трубку, ответил.

– Алло.

На том конце дышали сердито.

– Павел Закатаев, «Хороший год», – представился он.

– Херовый год! – внезапно заорал хриловатый мужской голос в трубке. – Что у вас за мудачёй работает?

– Здравствуйте, Юрий Айратович, – ответил Павел, водружая клавиатуру на стол. – Что случилось?

– Обосрались вы, вот что! – проорал Хидиятуллин. После секундной паузы его голос зазвучал чуть спокойнее. – Вы наш макет в последнем номере видели?

Павел встал, подошёл к соседнему столу, где была свалена куча бумаг, нашарил среди них блестящий экземпляр свёрстанного на днях выпуска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.